

A man with short brown hair, wearing a blue jacket over a light-colored shirt, stands in a car factory. He has his arms crossed and is looking towards the camera with a slight smile. The background is filled with various cars in different colors, including blue and red, on an assembly line.

**КОМСОМОЛЬСКИЙ
БИЛЕТ
ГРУППКОМСОРГА
ВАЛЕНТИНА
СОКОЛОВА**

№ 18 СЕНТЯБРЬ 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

МОЛОДЕЖЬ СТРАНЫ СОВЕТОВ ВДОХНОВЕННО СОРЕВНУЕТСЯ РАПОРТ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА XXV СЪЕЗДУ ПАРТИИ

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

БОЕВЫЕ БРИГАДЫ КАМАЗА

Более 70 комсомольско-молодежных бригад Камского автомобильного завода соревнуются за присвоение почетного звания «Коллектив имени XXV съезда КПСС». Сейчас в соревновании лидируют бригады Владимира Казанцева из автосборочного цеха, Владимира Пузеева из литейного и Владимира Чубатова из прессово-рамного. Все они подхватили девиз известной в Набережных Челнах бригады строителей Фариды Исынова «XXV съезду КПСС — ударные комсомольские темпы, четкий ритм, высокое качество работы».

ИНГУРИГЭС

СТРОКИ БИОГРАФИИ

Два года назад после службы в Советской Армии пришел на строительство ИнгуриГЭС Илья Чхотуа. Сейчас он слесарь строительного управления «Тоннельстрой». В июле Илья получил новый комсомольский билет и дал слово до конца пятилетки выполнить еще одно годовое задание. Недавно комитет комсомола стройки рекомендовал молодого слесаря кандидатом в члены КПСС.

ФРУНЗЕ

РАБОЧАЯ ЭКОНОМИКА

На Фрунзенском опытном заводе электровакuumного машиностроения молодые рабочие решили последнюю неделю завершающего года пятилетки работать на экономленном сырье. Инициатором этого почин выступила комсомольско-молодежная бригада электросварщиков В. Миронова.

ФЕРГАНА

ВРЕМЯ — ВПЕРЕД!

Среди комсомольско-молодежных коллективов Узбекистана широкое распространение получил почин рабочих Ферганы и Ташкента — досрочно выполнить задание первого квартала X пятилетки. Комсомольцы Ферганского завода азотных удобрений имени 50-летия ВЛКСМ Александр Курбачев, Энвер Шаени, Владимир Аджеминнов решили к открытию XXV съезда КПСС выполнить полугодовой план.

МУРМАНСК

ПРИЗНАНИЕ

Вячеслав Дюдыкин, слесарь-инструментальщик мурманского производственного объединения «Судоверфь», выполнил пятилетнее задание в конце прошлого года. А недавно во Дворце культуры имени Кирова ему, 26-летнему наставнику молодежи, торжественно вручили высокую правительственную награду — орден Трудовой Славы III степени. Принимая орден, Слава пообещал к съезду ленинской партии выполнить еще одно годовое задание.

БАШКИРИЯ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ РЕКОРДА

Более 80 скважин уже пробуряла известная в Башкирии комсомольско-молодежная бригада Фатыха Ганниятуллина. В 1971 году Фатых, хотя был у него опыт бурильщика, тоже начинал впервые. Как бригадир. Впервые работали самостоятельно и большинство членов бригады, но уже через несколько месяцев они установили свой первый рекорд скоростной проходки скважин. Рекорд управления. Потом были и республиканские рекорды и отраслевые.

ЦЕМЕНТ

Анатолий БАРАНОВ,
специальный корреспондент
«Смены».

ЧТО твой вулкан действует», — кинул Микулик в сторону горы, выщербленной взрывами и изъеденной жадными ковшами экскаваторов. На ее обезображенной плоской вершине клубился столб пыли, почти отвесно поднимаясь в небо, словно дым из трубы в морозное утро. А день был теплый, солнечный. Внизу сверкало море, перебрасывая на невидимых волнах вспышки света; у лесного порта и цементного пирса покачивались усталые суда, пришедшие из разных концов земли; город, умытый недавним дождем, окружал подковой Цемесскую бухту, и края этой подковы были похожи на руки, раскинутые для объятия; а дома, удаленные от моря, как любопытные в толпе, вставали на цыпочки, карабкались в горы, как будто тоже хотели взглянуть на зеленые волны.

МИХАИЛ ВЛАСОВИЧ МИКУЛИК
И НИКОЛАЙ ЮНКО.

Фото Николая АРХАНГЕЛЬСКОГО

ЗА ПРАВО ПОДПИСАТЬ

БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ

КОМСОМОЛЬСКАЯ ГАРАНТИЯ

Клиновская прядильно-ткацкая фабрика — одно из передовых предприятий не только в Брянской области, но и в отрасли. Тон здесь задает комсомольско-молодежная бригада тростильщиков, которой руководит помощник мастера Владимир Борисов. Уже несколько лет бригада сдает продукцию, минуя ОТК. Контролеры — рабочая совесть и подруги из соседнего цеха — крутильщицы. Десятая пятилетка — это пятилетка качества, и бригада обязалась сдавать 99,9 процента своей продукции первым сортом.

ЛИПЕЦК

РОВЕСНИКИ ПЯТИЛЕТКИ

Бригаду монтажников железобетонных конструкций, которой руководит Виктор Аньшина, хорошо знают на строительстве Новолитецкого металлургического завода. Бригада — ровесники пятилетки, но учиться сюда приезжают строители из многих городов страны. Еще на первом собрании монтажники разработали комплексный план развития своей бригады, утвердили личные социалистические обязательства. Каждый из них обязался овладеть смежными специальностями: газосварщика, безорезчика, электрика. Бригада Аньшина первой среди строителей треста «Липецкстрой» выполнила свое пятилетнее задание. Ей вручено Знамя ЦК ВЛКСМ «Герои пятилетки, ветераны труда» — лучшему комсомольско-молодежному коллективу.

ПЯТИЛЕТКЕ — ПОБЕДНЫЙ ФИНИШ! XXV СЪЕЗДУ КПСС — ДОСТОЙНУЮ ВСТРЕЧУ!

Сколько лет перед глазами это море, и город, и горы, а привыкнуть к их виду никак не удается. Коля с трудом повернулся в сторону старика, проследил за его взглядом, увидел худенький вихрь, танцующий на вершине, и засмеялся:

— Чисто артист из горского ансамбля, только сабли не хватает.

— Дай ему силу набрать, он без сабли человека сшибет. Аккурат тут самая ветреная дорога проходит. На ней и зачинается наша знаменитая «бора».

По асфальтированному серпантину выписывали петли тяжелые самосвалы. Грузенные мергелем, они легко бежали вниз, к мельницам, а возвращались порожние, задыхаясь от высоты и крутой дороги.

— Не видать «вездехода».

— Скрипниченко, небось, думает, мы до вечера с его железкой не управимся. Ты огурец возьми, свежий, по росе сорвал. — Микулик разрезал огурец пополам, круто посолил, протянул Николаю.

В начале смены в ремонтно-механический прибежал начальник горного цеха Анатолий Скрипниченко. У него, видите ли, экскаватор вышел из строя, значит, летит план по отгрузке мергеля, потом, само собой, и шлама завод недополучит, и клинкера, естественно, и цемента в нужном количестве не даст, возможно, корабли заграничные простоят... Хороший инженер Скрипниченко, молодой только и все сводит к мировому масштабу. Ну, его и понять можно: и один экскаватор в масштабе цеха кое-что значит. Начальник ремонтно-механи-

ческого Василий Петрович Левин хмуро слушал коллегу, прикидывая, кого же направить в горный, чтобы не нанести урона уже запланированной работе. А посылать нужно лучших, чтобы с экскаватором быстро управились и сегодняшнее задание подогнали. Об этом, наверное, подумал и Скрипниченко, потому что неожиданно попросил:

— Ты бы мне своих королей подкинул.

Левин согласно кивнул, и Михаил Власович Микулик, ни слова не говоря, пошел в сторону скрипниченковского «вездехода», за ним и Коля Юнко втиснулся в кабину машины, оборудованной для уборки дорог.

Поломка оказалась нехитрой, за три часа управились и ждали теперь машину. Они сидели, прислонившись к горячим звеньям экскаваторной гусеницы, потрошили заботливо уложенные женами «тормозки», перебрасывались редкими словами, прекрасно понимая и чувствуя друг друга. По возрасту Коля годится Михаилу Власовичу во внуки, но отношения между ними наладились дружеские, уважительные, как и положено среди равных мастеров.

Горы обступают их с трех сторон. Горы мергеля — лучшего сырья для цементной промышленности. Уже сотни лет вгрызаются люди в серый камень, и нет ему конца-края. С давних пор остался здесь старый бремсберг. Вагонетки и рельсы с него давно сняли, но следы их, длинные ржавые полосы, прочно вросли в камень старой выработки, похожей очертаниями на египетские пирамиды. И стоит бремсберг памятником цементникам, возрождавшим завод в далекие двадцатые годы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 18 (1160) СЕНТЯБРЬ 1975

Наша обложка:
Группкомсорг
участка основных
кузовов Московского
автосада имени
Ленинского комсомола
Валентин СОКОЛОВ.
Фото Сергея
ПЕТРУХИНА.

- 1 РАПОРТУЮТ ПРАВОФЛАНГОВЫЕ.
Анатолий БАРАНОВ. «ЦЕМЕНТ».
- 3 ОБМЕН КОМСОМОЛЬСКИХ ДОКУМЕНТОВ.
Михаил СОКОЛ. «ПРЕСТИЖ БРИГАДЫ».
- 4 ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
Михаил ЕМЦЕВ. «ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОПТИМИЗМА».
- 6 Диалог первого секретаря Волгоградского обкома
ВЛКСМ Владимира КАТУНИНА и Героя Советского
Союза Якова ПАВЛОВА. «ВОСПИТАНИЕ МУЖЕСТВОМ».
- 8 Александр ПРОХАНОВ. «ОГНЕННАЯ КУПЕЛЬ».
Рассказ.
- 10 ЗАВОДСКОЙ РАЙОН.
Лев РУМЯНЦЕВ. «КОНФЛИКТ В БЕСКОНФЛИКТНОЙ
СИТУАЦИИ».
- 12 ПЯТИЛЕТКА, МОЛОДЕЖЬ, ПИСАТЕЛЬ.
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. «КОСТЕР ПО ЧЕТВЕРГАМ».
Статья четвертая.
- 16 ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ. Новая
рубрика «Смены».
- 18 Аннаберды АГАБАЕВ.
«МИНУТЫ ХАТЫНИ». Поэма.
- 22 Анджей ВАЙДА —
Андрей МИХАЛКОВ-КОНЧАЛОВСКИЙ.
Размышления после
кинофестиваля.
- 24 МИРНОЕ НЕБО ВЬЕТНАМА.
- 26 СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
- 28 Братья ВАЙНЕРЫ. МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ.
Продолжение романа.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абзшин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий [заместитель
главного редактора], В. Г. Победоносцев [ответственный секретарь],
Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С.
Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1975 г.

— Власыч, а ты знал Глеба Чума-лова? Он ведь тоже слесарем был.

— По книжке читал, а многие в нем и себя видели и других поминали, я тоже похожих встречал. Оно и понятно, с нашего завода роман списан. Когда я в двадцать четвертом попал сюда и только учеником слесаря определился, мне первым делом «Цемент» дали, чтобы жизнь и работу понял. Самого Гладкова сколько раз встречать доводилось, в нашем деле не хуже директора разбираюсь, не гляди, что писатель. А из себя простой, со всеми поручается, за детей поспрашивает, дойдет до работы — во все уголки заглядывает.

— Мы позавчера в его музее полы красили.

— Хорошо?

— Старались.

— Он, когда первый раз увидел меня, Гладков-то, сразу и говорит: «Вырастешь ты, как Глеб, в красного директора». А я, конечно, шнел был, стою, краснею, а языком не поверну чего-нибудь сказать. Так и не вышел из меня директор, хотя, может, он и к лучшему. Директором, небось, каждый сумеет, если с умом, но и в нашем деле и голова понятная нужна, да и рука крепкая, и глаз верный. Слесарям памятки ставить надо, потому что без них и самолеты бы не летали, и конвейеры не крутились, и, к слову сказать, этот экскаватор бы никак не ожил. И талант, как теперь говорят, слесарю больше других нужен...

В 1963 году Николай Юнко окончил восьмилетнюю школу в маленьком кубанском городке Славянске и приехал в Новороссийск поступать в индустриальный техникум. С документами опоздал, на дневное отделение прием закончился, но покидать город, оборвоживший его сразу же, не хотелось, и Коля решил поступить на вечернее. На другой день после сдачи экзаменов он уже был в отделе кадров цементного завода «Пролетарий». Завод выбирал не по любви, есть в Новороссийске на первый взгляд и привлекательнее места, порт, например, но на цементном давали новичкам общежитие. Именно это обстоятельство и предопределило его выбор, а может быть, и определило (Юнко абсолютно уверен в этом) всю его жизнь.

Взяли Николая на подсобную работу: это поднеси, то отвези — обычно. Подвез однажды Коля баллон с кислородом к верстаку, где работал дядя Миша Микулик, остановился рядышком и смотрит. Понравилось, как слесарь ловко резьбу нарезает.

— Закрой рот, сынок, гайка влетит.

— Я ничего, я побегу.

— А я-то думал, поможешь старику, видишь, совсем запыхался. — Показал Микулик, как сверлом пользоваться, как метчиком удобнее работать, и Коля, наверное, целый час сражался с неподатливым металлом, радостно ощущая свою власть над ним. Сколько мог бы он прокрутить отверстий в стальной пластине, если бы не чей-то недовольный крик, призывавший подсобника к его тележке. Но назавтра Юнко, выбрав свободное время, снова стоял у верстака старого слесаря.

— Руки-то вытащи из карманов, — обернулся Микулик. — Кто любит держать руки в карманах, из того мастера не получится. Запомни, сынок.

— По привычке, дядя Миша.

— Привычки хорошие бывают, этих держись.

— А мастер тоже все время руки в карманах носит.

— Так он же только по должности мастер, а тебе надо, чтобы по жизни, по работе то есть.

— Я и в техникуме учусь, — похвастался Коля. — На почти инженера.

— Быть того не может! — изумился слесарь, прекрасно знавший, почему нового подсобника весь цех кличет «студентом». — А я-то, старый дурак, хотел тебя в помощники просить. Прости, не догадался, что ты уже в инженеры наметил.

— Еще долго учиться, — грустно сказал Коля, — четыре года. Вы меня правда помощником возьмете?

— Даже не знаю, как быть теперь. Почти инженер, и в помощниках! Смеяться, небось, будут?

— Да что вы!

— Ну, смотри, назад от своих слов не отступай.

— Сегодня можно?

— Быстрей ты. Надо с начальством говорить да еще экзамен выдерживать. Вот прямо сейчас и сделаем тебе испыт.

Сколько поколений слесарей начинало свою работу с такого экзамена! Прошел через него когда-то и сам Микулик. Задание довольно простое: посредине листа мягкой жести нужно круглым напильником вырезать квадратное отверстие. Многие воспринимают это задание как шутку, как один из вариантов старых профессиональных «подначек», таких, например, как «осадить кнехт или сбегать с ведром за электричеством». Коля экзамен воспринял серьезно, долго мучился над листом жести, пока не догадался сложить его в треугольный конверт. Тогда только и осталось что убрать напильником острый угол. Михаил Власович посмотрел в квадратное оконце, выпилненное посредине листа, подмигнул довольному студенту. И направился в конторку начальника цеха.

Хороший город Новороссийск, теплый, чистый, красивый. Родители сначала узнали об этом из писем старшего сына, потом сами убедились, когда приехали провожать Николая в армию. Во главе праздничного стола отец сидел рядом с Микуликом, не устывая благодарить мастера за сына.

— Вы его и рукоделу настроили и укрепили в духе, — поддерживала и мать, Евгения Петровна.

Михаил Власович отмалчивался, отнекивался, а потом не выдержал: — Вот уйдет наш Коля в армию, а назад куда возвратится? И здесь у него вроде свое и к родителям потянет. Может, вам сюда перебраться? Потом в армию летели письма родителей, благодаривших Микулика за то, что помог устроиться на заводе отцу и матери и с жильем на первое время оказал содействие. Коля пересылал благодарности родителям учителю и аккуратно отчитывался перед ним по службе.

Есть среди рабочих разных профессий свои короли. Видел я лесоруба, так красиво валившего деревья, что посмотреть на его работу ходили, как на концерт знаменитого пианиста; и он, демонстрируя свои возможности, укладывал дерево по заказу, да так, что верхина сосны обязательно загоняла в землю заранее подставленный молышек. Встречал сталеваров, определяющих металл «на глаз» так точно, что лабораторный анализ казался излишним и служил лишь подтверждением их мастерства. Знаю с токарями и другими станочниками, за советом к которым приходят опытные инженеры и даже ученые. Истати, и рабочих этих часто называют «профессорами», «академиками», «королями». И в этом титуловании, пусть даже шутовском, явно чувствуется признание таланта рабочего, его мастерства. Они разные, эти «короли», разные по характеру, образованию, возрасту (все чаще и чаще встречаются среди них молодые люди), но всех их объединяет преданность делу, стремление достичь высот в своей профессии, любовь к которой они никогда не срываю. И еще: гордые эти люди, истинную цену своему мастерству они знают, хотя напоказ ее не выставляют. И ученики перенимают у наставников не только опыт, но, как правило, и характер.

Перед отъездом в армию Николай получил свой четвертый разряд, а вернулся на завод, и оказалось, что в цехе работы по его квалификации сейчас нет.

— Если хочешь, давай по второму оформлю, — предложил начальник цеха; человек он был новый и рисковать не хотел. — Потом посмотрим, чего ты стоишь.

— Да я же у Михаила Власыча учился!

— Это еще кто такой?

— Вы разве не знаете?! Это же дя-

дя Миша Микулик, наш слесарь. Жаль, что он в отпуске сейчас.

— На протекцию, значит, надеешься, — засмеялся начальник. — Надо, брат, до всего своим трудом доходить. Я, к примеру, начинал вообще...

Юнко не дослушал чужой биографии, ушел, хлопнув дверью, и через несколько дней начал работать дежурным слесарем на цементном пирсе. Должность выпала не слишком хлопотная, но радости свободного времени не приносило, поэтому Коля «от нечего делать» взялся за ремонт старого, уже списанного насоса, потом обновил проводку в дежурной будке, без пригласения спешил на помощь электрикам, механизаторам, грузчикам. Начальник пирса Григорий Цимбал, известный на заводе рационализатор, сразу отметил новичка, помог советом, книгами, придумывал дежурному слесарю хитроумные задания, справляться с которыми было для Николая делом чести.

В техникум Юнко возвращаться не стал, а по совету Цимбала поступил в вечернюю школу и решил готовиться в институт.

С Михаилом Власовичем они встречались редко, иногда, буквально на ходу, перекидывались парой ничего не значащих фраз. Микулик новой работой своего ученика не интересовался, спрашивал о житье-бытье, но голос его был чужой и равнодушный. А Коля переживал, все время вспоминая о совместной работе с дядей Мишей, восхищаясь вслух его способностью определять технические несовершенства там, где к ним давно привыкли и поэтому не замечали. Такая уж способность у обычного человеческого зрения — адаптируется. Коля по себе судил: пришел на пирс, и все его поначалу интересовало, а потом обвык, все стало обыденным. А дядя Миша каждый день выходит на работу, как будто впервые, и смотрит на все, как новичок, свежими глазами, видит недостатки и недоделки и тотчас ищет разумный способ их устранения. Вот это, думал Коля, и есть творчество, именно такое отношение и позволяет Микулику ощущать работу как праздник. Не зря же мастер правдами и неправдами сопротивляется уходу на пенсию, он действительно зачехнет без завода. А Николай, наверное, без своего учителя. По крайней мере он все больше и больше понимал, как не хватает ему этого спокойного, уверенного в себе старика, считающего работу самым главным в жизни. Любую работу, потому что для него профессия космонавта ничуть не лучше профессии слесаря. Микулик вообще не любил, когда обычному человеческому делу подмалевывали ореол исключительности.

Николай зашел на мельницу случайно, увидев склонившегося над насосом бригадира, остановился рядом.

— Редуктор течет? — Можно было и не спрашивать, но и стоять молча неудобно и уходить не хотелось. — Сальники сработались, их теперь никакими болтами не затянешь.

Микулик как будто не слышал, работая ключом, движения у него спокойные, точные, сильные.

— Помните, сколько мы с этими редукторами намучились?

— Помню, помню. Поддай-ка универсалку.

Юнко торопливо протянул разводной ключ и сам присел рядом с бригадиром.

— Можно поставить на редуктор разъемный фланец и приспособить крылатку, пусть сосет воздух, а масло не пускает.

— Почему же нельзя? Все можно, только ставить некому: один на пирсе... — И вдруг совершенно другим тоном сказал: — Пора, сынок, к делу возвращаться, давно пора. — Потом посмотрел в глаза Николаю, засмеялся и неожиданно обнял его

за плечи. — А крылатку твою мы приспособим обязательно.

В институт он не поступил, «срезался» на первом же экзамене, на математике, но горя не испытывал, наоборот, вздохнул с облегчением, как будто свалил с плеч тяжелую ношу.

— Поздравляю! — обрадовалась жена, увидев сияющую улыбку Николая. — Плтерия?

— Ага. Вверх ногами.

— Серьезно?

— Конечно. Честно говоря, мне не очень и хотелось поступать, чувствовал, иду туда не по душе, а потому, что все рвется.

— А я думала... Что же ты теперь будешь делать?

— Работать. Придешь на завод, сама увидишь, что интереснее.

Познакомились они в вечерней школе, сидели рядом, за одной партой. Нина работала в детском саду и мечтала стать учителем. Колю она представляла инженером, а он хотел быть и остался слесарем.

Денег на свадебное путешествие у них не было, и Николай предложил жене экскурсию, сам провел по заводу, сам все показал, сам объяснил. Понравилась Нине работа электросварщиков, и Коля радостно поддержал: «Это мы запросто устроим, я все-таки как-никак начальник».

— Это же семейственность, комсорг, — смеялся Левин. — Сначала отца с матерью привел, потом брата, теперь жену. Скоро половину завода захватим.

— На половину я не претендую, — отшутился Николай, — мне бы весь.

На заводе наступили горячие дни. Слесари сначала работали на реконструкции седьмой печи, а потом дошла очередь и до шестой. По предложению Николая Юнко комсомольцы ремонтного цеха объявили завершающий год пятилетки годом рекордной выработки. Этот почин захватили молодые рабочие других цехов. За наивысшую производительность труда боролись на каждом рабочем месте. Все комсомольско-молодежные бригады приняли новые повышенные обязательства, активно включились в движение под девизом «Пятилетке — победный финиш! XXV съезду КПСС — достойную встречу!»

— Сбросить бы мне годочков пятьдесят, и я не упустил бы возможность поставить свою подпись под рапортом Ленинского комсомола партийному съезду. Так что завидую я вам, молодым. Завидую будущим победителям, но чтобы победить — нужно искать, искать резервы и на заводе и в самих себе, в душе то есть, в мастерстве.

Как раз на это — на изыскание дополнительных резервов для практического решения конкретных задач — нацеливает нас постановление ЦК КПСС «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXV съезда КПСС».

После реконструкции мощность завода «Пролетарий» и всего комбината «Новоросцемент» значительно увеличилась. В этом году он должен сдать свыше четырех с половиной миллионов тонн цемента, почти столько же, сколько выпускали все заводы страны накануне войны.

— И в этом есть несомненная заслуга наших лучших рационализаторов, — заявил Григорий Цимбал, ставший начальником заводского БРИЗа. — А лучшие — это слесарь Михаил Власович Микулик, отдавший полвека нашему заводу, и молодой коммунист Николай Иванович Юнко. Только во время реконструкции пещей они внесли шесть ценных рационализаторских предложений.

«Волга» резко затормозила рядом с экскаватором, из нее торопливо высыпались Скрипниченко, Левин и Леночка Балиевская, секретарь заводского комитета комсомола. Она первой бросилась обнимать Николая: — Тебе премию дали, а ты и не знаешь.

— Поздравляю, Николай Иванович, с высоким званием лауреата премии Ленинского комсомола, — торжественно подал руку Левин. И протянул Юнко телеграмму.

ПРЕСТИЖ БРИГАДЫ

БРИГАДУ ВЯЧЕСЛАВА ФРОЛОВА ИЗ КУЗОВОГО ЦЕХА ПО ИТОГАМ ПЕРВОГО ПОЛУГОДИЯ ПРИЗНАЛИ ОДНОЙ ИЗ ЛУЧШИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ СРЕДИ 186 КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫХ БРИГАД МОСКОВСКОГО АВТОМОБИЛЬНОГО ЗАВОДА ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. ПАРТКОМ И ЗАВОДСКОЙ КОМИТЕТ ВЛКСМ ОТМЕТИЛИ ЕЕ ВЫСОКУЮ АКТИВНОСТЬ В ТРУДЕ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КОЛЛЕКТИВА РЕШЕНИЕМ: ВСЕМ КОМСОМОЛЬЦАМ БРИГАДЫ ПЕРВЫМ В ЦЕХЕ ВРУЧИТЬ НОВЫЕ КОМСОМОЛЬСКИЕ БИЛЕТЫ. ВЫЗЫВАЮЩАЯ ЗАКОННОЕ ЧУВСТВО ГОРДОСТИ НАГРАДА, НО ИМЕННО ОНА И ВНЕСЛА НЕОЖИДАННЫЕ КОРРЕКТИВЫ В НАСТРОЕНИЕ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ...

Особенно непоседливым стал один из лидеров бригады — группкомсорг участка оснований кузова автомобиля «Москвич» Валентин Соколов. Бригадир — партгрупорг и хороший друг Валентина — был даже несколько озадачен. Тот сразу предъявил ему слишком много претензий. Потом они спокойно стали разбираться вместе.

Все началось со встреч с членами цеховой группы собеседования, которая создана в цехе на период обмена комсомольских документов и которую возглавляют секретарь партбюро Муза Ивановна Сорычева и секретарь бюро ВЛКСМ Александр Стрелетов. Валентину, отдав должное ему и его товарищам, предложили подумать, какие есть возможности повысить активность комсомольской группы, действенность выполненных комсомольцами поручений, внимательно посмотреть, все ли производственные возможности используются в его бригаде. И он стал думать. Стал возвращаться к мыслям, которые и раньше появлялись, но почему-то быстро уходили на второй, а то и на третий план.

В бригаде все, и самые молодые тоже, работают уверенно и даже степенно, как люди, знающие, что им за себя перед другими краснеть не придется. В их почерке, вероятно, отразилось стремление быть похожими на бригадира Вячеслава Фролова, в котором нетрудно разглядеть человека с высоким чувством собственного достоинства, привыкшего быть в числе первых. Молодые ребята и девушки из бригады подчас похорошему завидовали своему бригадиру: и его уверенной работе и его крепкой и счастливой рабочей семье. А со временем почувствовали, что и сами могут устроить свою жизнь не хуже. Тогда-то и у них появилась уверенность. И гордость тоже.

Теперь же уверенность, с которой работали все, в том числе и сам Валентин, вдруг стала его даже раздражать. С одной стороны, оснований быть довольными достаточно. Бригада выполнила план на 103,4 процента, в сравнении с прошлым годом повысила производительность труда на 12 процентов, а бездефектную сдачу — на три процента. Успешное выполнение обязательства — завершить пятилетний план к 7 ноября — практически обеспечено. К комсомольцам вроде тоже не придерешься. Поручения есть у всех, все их выполняют. И все учатся — кто в техникуме, кто в школе. Чего же еще! Идеальные характеристики... Но, с другой стороны, чувство собственного достоинства стало уживаться с какой-то самоуспокоенностью, безынициативностью.

Как-то Валентин прочитал в одном журнале о комсомольской группе ленинградских продавцов универмага «Московский». Ребята и девочки приезжали на предприятия, товары которых не пользовались спросом у покупателей, и вывешивали в цехах едкие сатирические плакаты. Как такие плакаты действуют, рабочие хорошо знают по цеховому стенду «Комсомольского прожектора». Неряхи подтягиваются, лодыри начинают шевелиться. Но ленинградские продавцы заставляли еще и думать. И не только нерях и лодырей, а всех — «от» и «до». Наверное, и хороше-

Обмен комсомольских документов провести как важное организационно-политическое мероприятие, направленное на дальнейшее повышение трудовой и общественно-политической активности членов ВЛКСМ, улучшение работы комсомольских организаций, совершенствование их деятельности по выполнению решений XXIV съезда КПСС и XVII съезда ВЛКСМ, задач, поставленных в приветствии ЦК КПСС XVII съезду комсомола, речи на съезде товарища Л. И. Брежнева.

Из постановления II пленума ЦК ВЛКСМ

му рабочему неприятно узнать, что он перевыполняет нормы на никому не нужной продукции.

Для бригады таких плакатов не придумаешь. В очередь на «Москвичей» записываются и открыток ждут очень долго. Но ведь и для беспокойства тоже основания есть, и их немало. Та же норма бездефектной сдачи продукции. Почему она равна 93 процентам! Ведь если посчитать убыток с остальных семи, получится ой как внушительно! Особенно если посчитать еще и минуты, когда конвейер стоит из-за исправления этих самых дефектов. Разве этот убыток не должен задевать за живое каждого! То, что еще не до конца и не везде усовершенствована технология, — только слабое оправдание. Кивая на технологов, можно сказать, что ты не виноват. Но ведь нельзя сказать, что ты прав. Прав только тот, кто по-настоящему беспокоится за усовершенствование этой технологии. Например, как наладчик Виктор Федосеев. Одно его рацпредложение дало больше 20 тысяч рублей экономии. А проявляют ли в бригаде достаточное беспокойство за эту самую технологию! На участке-то все вроде бы в порядке. Только вот в причинах дефектов еще далеко не разобрались. И, может быть, это происходит именно потому, что не знают рабочие как следует, кто и как изготавливает детали, поступающие на сборку узлов и кузова, с какими трудностями сталкиваются те, кто на конвейере стоит за бригадой. Сварщики, которые закрепля-

ют поставленные ими детали намертво, правда, не жалуется. А за ними! Ведь основания проходят еще через сотни рук...

Бригадир улыбался непоседливости своего ученика, казалось, совсем недавно подражавшего ему буквально во всем, но беспокойство его тем не менее разделял. И решили они, что все будущие дела бригады нужно всей бригадой и обсудить.

При обсуждении констатировали, что работают они добросовестно. Но вспомнили время, когда без четвертых заболевших членов бригады сумели не только перевыполнить норму, но и не снизили бездефектность. Многие работали сразу на двух операциях и неплохо справлялись. Яркое доказательство того, что человек, каким бы он ни был, всегда может стать еще лучше. Все согласились с тем, что в знании производства «подкованы» еще недостаточно, могут и должны подтянуться. Заместитель группкомсорга Аня Моргачева, например, сказала, что будет всегда рядом с теми, кому наиболее трудно, и всегда будет вместе с ними доводить дело до конца. Сейчас, например, нужно практически заменить отвечающую за спорт жену Валентина Ольгу, у которой через четыре месяца должен родиться ребенок. Надя Сидорова, входящая в состав «Комсомольского прожектора», обещала найти темы и для своего участка и для себя лично. Больше своему участку обещали уделять внимания и комсомольские агитаторы Тоня Абрамова и Таня Иванова...

Все намечаемые сдвиги единодушно признали необходимыми. Как в свое время признали необходимым освоить работу на всех операциях бригадного участка и добиться полной взаимозаменяемости. Теперь все понимают, что во многом именно благодаря этому бригада и добилась высоких результатов. А чтобы добиться их и в будущем, нужно о том позаботиться. Жизнь на месте не стоит. Обновляется завод, обновляется «Москвич». Машин, казалось, совсем недавно прошедшие испытания, как перспективные, быстро становятся обычными и начинают стареть. В этом году завод выпустит 10 тысяч новых автомобилей, а уже взяли обязательство к XXV съезду партии старую модель вообще снять с производства и подготовить к испытаниям модель будущего.

Престиж бригады — вопрос «больной» для всех. Сегодня об этом красноречиво говорят и обязательства, которые 15 сборщиков-электросварщиков приняли, вступая в социалистическое соревнование за право подписать рапорт XXV съезду КПСС: годовой план выполнить к 20 декабря, производительность труда повысить на 14 процентов, 97 процентов продукции сдать с первого предъявления, предъявлять рабочие места и участок в целом комиссии по культуре производства с оценкой не ниже «хорошо», всем заниматься по минимуму и повысить разряды, всем сдать или подтвердить нормы ГТО, продолжать выполнять работу за автозаводцев, погибших в годы Великой Отечественной.

...Валентин часто бывает у бригадира дома, как своею, пользуется его личной библиотекой, количество книг в которой уже перевалило за тысячу. Заходит вместе с Ольгой, которая подружилась с женой Вячеслава — Людмилой. Фроловы рассказывают о своих заботах, Соколовы вслух мечтают о недалеком теперь уже времени, когда у них будет своя квартира и такие же, как Коля и Наташа, веселые дети. Квартиру они должны получить через полтора-два года. В бригаде поэтому подшучивают, говорят, надо бы Ольге сразу двойню. Все будет тогда, как у Фролова. И квартиру трехкомнатную дадут.

В один из таких вечеров и прошло упомянутое уже обсуждение бригадных дел. И тогда Вячеслав уже не просто напомнил, как раньше, а можно сказать, настоял, чтобы Валентин подавал заявление в партию. Пора.

ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОПТИМИЗМА

Михаил ЕМЦЕВ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

Общезвестен факт, что люди за свою историю изобретали множество разнообразных усилителей. Наука и техника прямо-таки изобилуют подобными изобретениями. Архимедов блок и слепящий луч лазера объединены одной сущностью: некое действие, многократно повторяясь, усиливается в соответствующем преобразователе. Созданию преобразователей-усилителей посвящено основное внимание думающего человечества. Ведь к ним на определенном основании относятся и лебедка и атомная бомба. Человек начал создавать свои усилители не на пустом месте. И здесь природа выступила в роли учителя и недостижимого эталона. Особенно изощренно ею сконструированы усилители живого организма.

Например, кошка да и другие животные и птицы ночного образа жизни отлично видят в темноте. Именно видят, а не ориентируются с помощью ультразвуковой локации. Их глаза способны улавливать незначительные порции рассеянного света и преобразовывать его в жизненно важную для себя информацию. Правда, еще ни одна кошка не рассказала, каким именно опалесцирующим оттенком переливается шерстка бегущей в темноте мыши. Но все-таки ночной мир кошке и сове представляется и красочней и богаче, чем человеку. Будь кошка наделена талантом художника, ее ночные пейзажи привлекли бы зрителей особой изощренностью линий и форм. Впрочем, кошачьи проблемы нас мало волновали бы, не будь они в существе своем тесно связаны с особенностями человеческого зрения. Механизм, как говорится, один, а возможности разные. Познание этого механизма обещает человеку интересное и важное расширение возможностей видеть и запечатлевать увиденное.

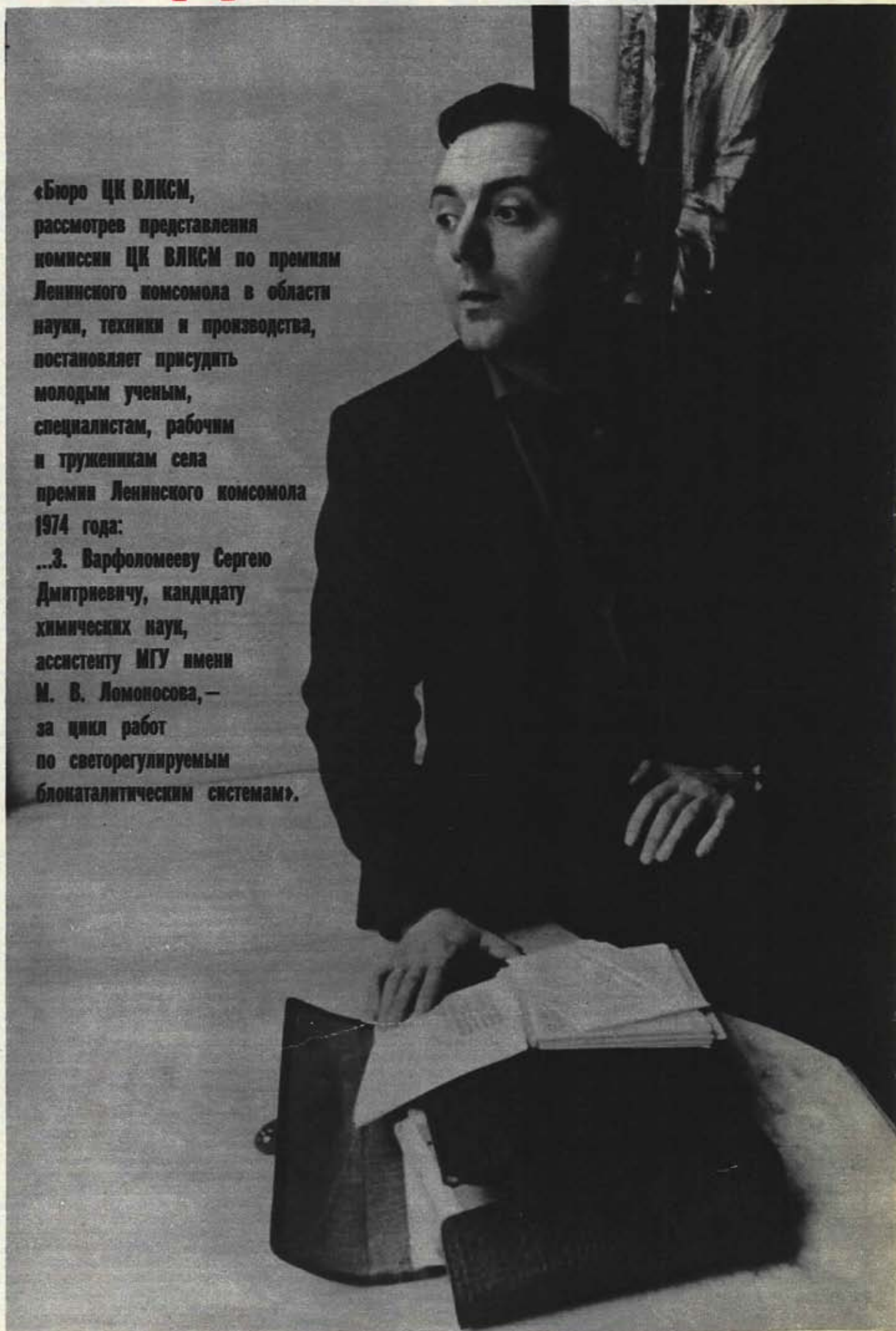
Зрение — процесс, где удивительным узлом завязаны физиология, биофизика, химия и математика. Преломление света в хрусталике, образование электрических импульсов в зрительном нерве, деформация глазного яблока относятся к категориям чисто физических процессов. Преобразование световых волн чувствительными клетками сетчатки в электрические импульсы зрительного нерва связано с характернейшими физиологическими функциями организма. А вся технология превращения зрительной информации в представимый образ относится к сфере абстрактного мышления.

У химиков, исследующих механизм зрения, своя строго определенные цели. Им были установлены конкретные материальные носители главных стадий зрительного процесса. Основное внимание, понятно, посвящено пигментам в клетках сетчатки, которая отвечает на физиологическую реакцию на свет.

Известно, что зрительные ощущения возникают, когда фотоны света

«Бюро ЦК ВЛКСМ, рассмотрев представления комиссии ЦК ВЛКСМ по премиям Ленинского комсомола в области науки, техники и производства, постановляет присудить молодым ученым, специалистам, рабочим и труженикам села премии Ленинского комсомола 1974 года:

...З. Варфоломееву Сергею Дмитриевичу, кандидату химических наук, ассистенту МГУ имени М. В. Ломоносова, — за цикл работ по светорегулируемым блоккаталитическим системам».

поглощаются фоточувствительными элементами сетчатки. Разрешающая способность сетчатки довольно высока. Достаточно 150 фотонов, чтобы человек ощутил вспышку света. Причем только 30 из этих 150 световых частиц, как правило, достигают сетчатки. Остальные рассеиваются, теряются, проходя через хрусталик и глазную жидкость.

Ученых давно интересовал вопрос, какое же именно химическое соединение в колбочках и палочках сетчатки реагирует на свет и позволяет отличать световые волны разной длины. Задача была не из простых, но все же такие соединения были найдены. Из человеческой сетчатки удалось выделить только два светочувствительных пигмента. Один из них, сейчас наиболее изученный, оказался белком пурпурного цвета, названным родопсином.

У родопсина сложное химическое строение. Основу его составляет высокомолекулярный белок, соединенный с особым химическим соединением — ретином. В этом ретинене вся загвоздка.

По химической структуре он полный аналог витамина А. Недаром с нехваткой этого витамина так часто связана и недостаточность зрения. Например, ночная слепота — неприятное, не тяжелое заболевание. Группа ретинена, как определили химики, хромофорна, то есть способна реагировать на свет. Ударит по молекуле родопсина поток фотонов, что-то произойдет с хромофорной группой, и переименует эти тотчас понесутся сигналами в глубины мозга.

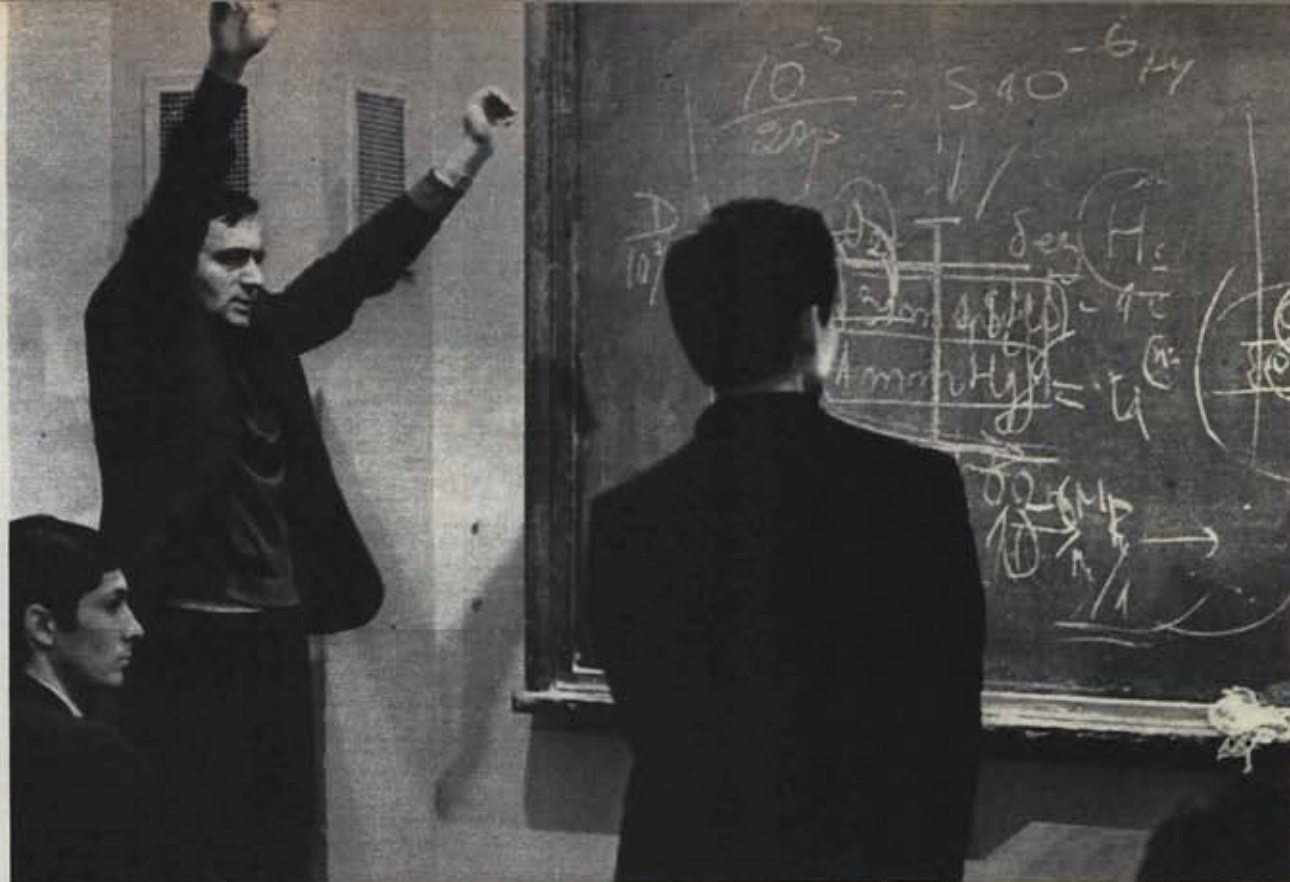
Но вот что же именно происходит с родопсином?

Сегодня это уже досконально известно. Дело в том, что хромофорная, чувствующая свет группа родопсина по своей химической природе может быть отнесена к изомерам. У нее одинаковый состав, но разная пространственная форма. Химики различают «цис» и «транс»-форму, причем различие здесь заключено главным образом в порядке чередования двойных химических связей между атомами. Попадая на сетчатку глаза, свет открывает серию последовательных превращений родопсина. В начальной стадии происходит образование его новой пространственной формы.

«Цис» становится «транс», или, как говорят специалисты, осуществляется транс-фотостереоизомеризация. Следующая стадия, так называемый темновой процесс, сама состоит из ряда промежуточных стадий. В итоге темнового процесса в свободном состоянии образуется белок опсин и остаток хромофорной группы. А дальше происходит усиление сигнала с помощью присутствующих в клетках сетчатки ферментов. Механизм этого усиления долгое время был неясен и в последние годы тщательно изучался.

Большая и интересная работа в этом направлении проделана химиками Московского государственного университета. Премией Ленинского комсомола 1974 года награжден кандидат химических наук, ассистент МГУ Варфоломеев Сергей Дмитриевич, который совместно с сотрудниками кафедр химической кинетики и химической энзимологии исследовал процесс усиления светового сигнала ферментами сетчатки.

Работали московские химики с модельными веществами, то есть соеди-

нениями, похожими на природные, но более простыми по структуре и свойствам. Химические модели — аналоги сложных природных белков — удобны в работе и позволяют получать четкие и убедительные результаты в исследовании. Модель порой отражает сложный мир действительности, как чертеж — реальную деталь, и именно в этом ее научная привлекательность. Упрощение близко прояснению, то есть более глубокому и четкому пониманию.

Выбор химической модели для работы сродни искусству. В нем сходится необходимость и случайность. Необходимость отражена в эмпирических требованиях к модели: она должна быть соединением именно с такими-то — определенными! — свойствами. Варфоломееву, в частности, предстояло найти модельное вещество, которое соответствовало бы светочувствительным пигментам сетчат-

ки. Обязательным в этом списке требований было наличие хромофорной группы. Случайность в выборе модели связана с некоторым исследовательским произволом: все-таки выбрано именно такое соединение, а не рядом стоящее. Случайность — в уровне опыта и точности интуиции.

Рабочим веществом был избран альфа-химотрипсин. Это один из наиболее изученных и известных ферментов. Было получено производное соединение химотрипсина — стабильный и не обнаруживающий ферментативной активности белок. Но при освещении ультрафиолетовым светом с этим белком происходит уже знакомое нам превращение: транс-фотостереоизомеризация. По сути, то же самое, что происходит со «зрячим» белком родопсином сетчатки глаза, когда на нее попадают фотоны света. Хромофорная группа, белка переходит из «цис» в «транс»-форму.

А транс-изомер белка химически неустойчив, и в определенных условиях он распадается с образованием свободного фермента и другого соединения.

Ферменты, как известно, — ускорители биохимических реакций. Достаточно ничтожных количеств этих веществ, чтобы реакции шли в десятки, сотни тысяч раз быстрее. Появление свободного альфа-химотрипсина, активного и сильного фермента, приводит к резкому ускорению реакции. Световой сигнал многократно усиливается...

Таким образом, Варфоломееву и его коллегам удалось в искусственных условиях смоделировать процесс зрения, проникнуть в его сокровенный механизм. Природный усилитель световых сигналов если и не повторен, то правдоподобно отражен в своей молекулярной модели. Механизм усиления заключается в быстром накоплении продуктов реакции, которые катализируются выделившимся активным альфа-химотрипсином. Причем чем дольше и сильнее действует ультрафиолетовое облучение, тем быстрее растет и образуется соответствующее количество фермента. А значит, усиление светового сигнала может происходить практически неограниченно.

Работы московских химиков имеют также прямые практические следствия. Кто из любителей фотографии не знает, сколько мучений доставляет так называемая зернистость фотографической эмульсии? Она сильно ограничивает возможности фотографии, не позволяет получать четкие изображения при сильном увеличении. Создание фотосистем, в которых световой поток усиливается с помощью ферментативных процессов, обещает появление беззернистых фото, которым не заказаны любые размеры. Видимо, и для сверхчувствительных съемок пригодятся «зрячие» ферменты, созданные руками человека. Должны же люди наконец поставить на место кошку с ее талантом ночного зрения.

В последнее время наше восхищение достижениями науки обрело новые оттенки. Мы не только радуемся свершениям познания, но и ждем. И в том ожидании немало от придирчивой надежды, что завтрашний день науки подарит еще одно новое основание для оптимизма: очередное открытие, следующую ступень познания.

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА СЕРГЕЙ ВАРФОЛОМЕЕВ:

В ПЕРЕРЫВЕ МЕЖДУ ЛЕКЦИЯМИ, НА СЕМИНАРЕ, ЛАБОРАТОРИИ.

В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ВОЛГОГРАДЕ ОТКРЫВАЕТСЯ VII ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЕТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ ПОХОДОВ КОМСОМОЛЬЦЕВ И МОЛОДЕЖИ ПО МЕСТАМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ, БОЕВОЙ И ТРУДОВОЙ СЛАВЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА

В. КАТУНИН. Яков Федотович, мы встретились с вами накануне важнейшего события в жизни нашей молодежи — седьмого слета победителей Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. События тем более знаменательного, что состоится оно в год 30-летия Победы в городе-герое Волгограде. Вы давний друг и наставник молодежи, с нашим городом в вашей жизни связано очень многое. Думаю, что вы не только вспомните о прошлом, но мы поговорим и о некоторых проблемах военно-патриотического воспитания молодежи, которому, кстати сказать, несмотря на занятость, вы отдаете много сил и времени.

Я. ПАВЛОВ. Я далеко не поэт, но, вспоминая о Волгограде, всегда называю его родиной военного подвига, символом высочайшего физического и духовного мужества советских солдат. Я часто приезжаю сюда, и, кажется, уже пора выкинуть к Волгограду сегодняшнему — молодому, чистому, радостному, но слишком прочно остался в сердце Сталинград 42—43-го годов. Иду по улицам, а память подсказывает, что вот тут у универмага много наших ребят полегло, рядом с банком долго не могли вражеское пулеметное гнездо ликвидировать, а на площади Павших борцов мы как-то столько их танков нажали, что в

в жизни молодежной организации. Постоянного, целенаправленного, действенного участия.

Я. ПАВЛОВ. Вот именно постоянного и действенного. Каким бы интересным, поучительным ни был рассказ ветерана о пережитом, его призыв следовать отцовским заветам сегодня, практический эффект выступления будет не очень высок, как, впрочем, и любого разового мероприятия, пусть даже хорошо проведенного. Нужна продуманная система военно-патриотического воспитания юношей и девушек, составленная с учетом возрастных категорий. А ведь, если говорить откровенно, нередко все военно-патриотическое воспитание сводится к кампании. Приближается какая-то дата, День Победы или годовщина Советской Армии, представители школ, общественности, предприятий приходят к ветеранам, просят: выступите с воспоминаниями. Мы выступаем и не видим ребят до следующего юбилея. Разве я не прав, Владимир Анатольевич?

В. КАТУНИН. К сожалению, правы. Кампанейщину изжить не так просто. Но если вы не возражаете, я расскажу об опыте, который постепенно мы вводим у себя в области...

Я. ПАВЛОВ. Буду вам только благодарен. Но прежде хочу закончить свою мысль. Так вот, эти самые школьники, юноши или девушки порой задают нам, ветеранам, вопросы, выходящие за рам-

ВОСПИТАНИЕ МУЖЕСТВОМ

наших штабах сводку трижды перепроверяли. В общем, я за семьдесят с небольшим дней, что осенью сорок второго здесь повоевал, породнился, сросся с городом на всю оставшуюся жизнь.

В. КАТУНИН. Вот бы и переехали к нам. Были бы ближе к своему подвигу, к своему прошлому, ближе к людям, которые вам, герою-сталинградцу, обязаны своим настоящим.

Я. ПАВЛОВ. Спасибо. Действительно, всякий раз, когда я приезжаю сюда, мне говорят об этом. Но истинная родина у человека должна быть одна, такая, как для меня моя Валдайщина, мой Новгород, откуда идут мои корни, чья земля пахали отцы мои и прадеды. А потом, Владимир Анатольевич, поймите, очень трудно жить все время войной. Останься я в Волгограде, живи в том самом «Доме Павлова», я бы каждый день видел моих ребят, видел бы живыми мертвых, понимаете? Слишком дорогой ценой мы заплатили той зимой за победу на Волге, слишком хорошо я знал тех, кто погиб рядом со мной тогда. А кроме прошлого, мы должны жить настоящим, думать о будущем. Я ведь не только бывший солдат, я инженер, я отец, а теперь уже дед.

В. КАТУНИН. Я понимаю вас, Яков Федотович. Но ваши воспоминания, ваше прошлое — неотъемлемая часть истории, и, если мы хотим воспитать молодых людей стойкими, мужественными, преданными идеалам коммунизма, мы обязаны обращаться к этому великому прошлому, и тут уже никто не заменит вас — участников тех героических событий.

Я. ПАВЛОВ. Вы говорите о воспитательном значении встреч молодежи с ветеранами боев и труда...

В. КАТУНИН. Не только. Под этим подразумеваются самые различные формы участия ветеранов

ки нашего военного прошлого. Они спрашивают у нас, как им следует поступить в том или ином случае, стоит ли, к примеру, учиться на инженера, если их вполне удовлетворяет квалификация и звание слесаря. Или вот помню, выступаю перед молодыми рабочими одного из заводов. Рассказываю о Сталинградской битве, героизме их сверстников. Закончил, ответил на два-три вопроса о своей военной судьбе. И вдруг встает девушка и спрашивает: пошел бы я получать премию за освоение новой техники, если это самое освоение существует только на бумаге? Я, признаться, опешил, попросил объяснить суть дела. Ведь, как-никак, сам инженер. Девушка рассказала. Чувствую по лицам молодых людей — говорит она о больном вопросе...

Вот почему так важно знать тех, к кому ты приходишь с советом, кому пытаешься передать свое мироощущение, знания, пережитое. Узнать же молодежь, конкретных людей можно лишь в результате постоянного общения, завоевав их доверие, став для них близким, болеющим за их дело человеком. Тогда мы, ветераны, в полной мере можем обогатить молодых людей духовно, заложить в их характере прочный фундамент для будущих испытаний, сделать из них патриотов своей Родины.

В. КАТУНИН. Вы хорошо выразили главное из того, что я собирался рассказать. Поэтому лишь проиллюстрирую вашу мысль примерами. В Волгограде, а теперь уже и в ряде других областей и городов ввели такую вот форму приращения ветеранов к наставнической работе. При комитетах ВЛКСМ предприятий были созданы советы ветеранов из числа бывших участников войны, заслуженных мастеров производства. Эти советы взяли на себя координацию всей воспитательной работы ветеранов среди молодежи и школьников. К каждой организации прикреплен ве-

Беседуют
Владимир КАТУНИН,
первый секретарь Волгоградского
обкома комсомола, председатель
комиссии ЦК ВЛКСМ
по физическому и военно-
патриотическому воспитанию
молодежи, и Герой Советского
Союза Яков ПАВЛОВ.

теран или целая группа людей, которые должны не только воспитывать молодежь на примерах героического прошлого отцов, но и участвовать в современной общественной жизни организации. Ветераны смогли активно воздействовать на воспитательный процесс в коллективе вообще, на каждого юношу или девушку в отдельности. Их вмешательство, как показала практика, порой эффективнее многих педагогических приемов товарищеской воспитательности, потому что за плечами ветерана войны не только огромный жизненный опыт, но и моральное право требовать от подростка, право, завоеванное им в боях с врагом.

Наверное, это закономерно, ведь в пору вашей молодости та роль, которая принадлежит в формировании характера современной молодежи сейчас вам, ветеранам Великой Отечественной войны, принадлежала участникам гражданской войны. Их идеалы, героизм, высокая партийная нравственность были для комсомольцев тридцатых годов тем духовным наследием, каким стали для современной молодежи военный и трудовой подвиг вашего поколения.

Я. ПАВЛОВ. Совершенно верно. Любимым героем моим и моих сверстников был Павел Корчагин, который, кстати, сражается за Советскую власть и сейчас в умах нынешних юношей и девушек. Буденный, Фрунзе, Котовский, Дзержинский, Чапаев были для нас символами партийности и стойкости. Мы мужали, сверяя свою жизнь по жизни героев гражданской войны, увлекались военно-прикладными видами спорта, что очень пригодилось потом.

В. КАТУНИН. И вероятно, тогда же появились прообразы следопытских отрядов, которые собирали материалы о героях-революционерах, борьбе с белогвардейцами, деятельности первых партийных и комсомольских ячеек.

Я. ПАВЛОВ. Мне трудно говорить о других, до войны почти нигде не бывав, кроме родной Валдайщины. Но даже в нашей сельской школе существовал специальный кружок, занимавшийся исследованием истории борьбы за Советскую власть в районе. В сущности, это была та же поисковая работа, которой заняты сейчас десятки тысяч следопытов, только ее масштабы и формы были иными. Да и события, которые мы тогда изучали, были ближе к нам по времени. Помню, принесли в свой школьный исторический уголок кобуру от нагана бывшего красноармейского командира, погибшего в боях с бандами Юденича, и очень гордились этой находкой.

В. КАТУНИН. А знаете, Яков Федотович, какое огромное эмоциональное воздействие оказывают на молодежь документальное приобщение к героической истории, поисковая работа. Случайно обнаруженные документ, письмо, оружие, следы боя становятся началом многолетнего, кропотливого поиска, открывающего ранее неизвестные военные события, героические судьбы десятков, сотен людей.

Я. ПАВЛОВ. Волжская земля необычайно богата подвигом. В любой ее горсти уже заключено это понятие, ведь ни один город нашей страны не выстрадал столько, сколько Сталинград в сорок втором году. Подсчитал же кто-то, что в каждом квадратном метре сталинградской земли осталось около двух тысяч осколков.

В. КАТУНИН. Да вот совсем недавно студенты Волгоградского политехнического института копали яму для флагштока. Вскрыв асфальт, они нашли останки красноармейца и пенал с полустлешней бумажной лентой, на которой были когда-то написаны сведения о его владельце. С трудом удалось прочитать фамилию — Мелихов. Тут же десятки ребят принялись за поиск его родных. Нашли. Мать Мелихова до недавних дней считала, что ее сын пропал без вести. В результате поиска студенты установили, что комсомолец Мелихов героически погиб в неравном бою. Дело этим не кончилось. Ребята отремонтировали дом, где живет мать солдата, подарили ей телевизор, купленный на деньги, заработанные в колхозе, словом, стали заботиться о ней по-сыновьи. Тут двойная польза — и ей и тем, кто многое сделал для матери война. Польза нравственная.

Я. ПАВЛОВ. Да, да, очень важно, чтобы поисковая работа школьников, рабочих, студентов имела перед собой именно такую, высокую цель. Не просто установить поименно участников того или иного военного события, а обязательно разыскать родственников погибших, выяснить, не нуждаются ли они в какой-либо поддержке. И если нуждаются, постараться помочь им. Правда, сама по себе поисковая работа, как правило, не требует участия всего коллектива, обычно поиском заняты юноши и девушки, имеющие, так сказать,

изыскательские склонности. Но это не значит, что остальная часть коллектива сама собой устраняется от работы. Переплюска, работа с первоисточниками, исторический анализ — это только полдела. Главное — строить на ставшем теперь известным материале воспитательный процесс. На месте подвига должны побывать все члены коллектива. Пусть юноши и девушки дотронутся до того времени руками, сердцем, разумом. Пусть там встанет памятник или обелиск, а в школе, на заводе, в учреждении нужно открыть музей или комнату боевой славы, где будут собраны все материалы, добытые в результате поиска. Именно там, рядом с летописью героической борьбы с врагами, которую писали кровью своей ветераны революции и войны, должны храниться рапорты о делах нынешней молодежи, летопись ее трудового подвига.

В. КАТУНИН. Не просто храниться, каждый день в эту летопись, плата сыновний долг поколению победителей, молодежь должна вписывать все новые трудовые достижения. Хочу напомнить замечательные слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева, сказанные им на открытии Волгоградского мемориального ансамбля: «Памятники, которые мы воздвигаем героям, — это не только творение из мрамора, гранита или бронзы, лучший памятник — это наши дела. Подвиг павших налагает громадную ответственность на тех, кто живет сегодня. Наш священный долг довести до конца дело, ради которого они отдали жизни».

Я. ПАВЛОВ. Эти слова очень точно определяют гражданскую обязанность современной молодежи. Мне часто приходится встречаться с коллективами бригад, которые носят имя кого-то из героев войны или труда. С какой неподдельной гордостью они рассказывают о своей работе, о том, что много месяцев подряд выполняют норму за почетного члена бригады, погибшего в 43-м под Курском или в Сталинграде.

В. КАТУНИН. Помните Петра Федотова, бригадир сборщиков с тракторного? По-моему, вы с ним знакомы?

Я. ПАВЛОВ. Да, я встречался с Петром.

В. КАТУНИН. Так вот, Федотов работает на том самом конвейере, где когда-то трудился Петр Тупики, ушедший в составе пополнения оборонять город. Тупики героически погиб, защищая Сталинград. Он был совсем еще молодым парнем. Через три десятилетия на его рабочем месте встал Петр Федотов. Он и его товарищи по бригаде узнали о подвиге комсомольца и дали слово выполнять норму за себя и за Тупики. И хотя на сборке это совсем не просто, Федотов уже третий год каждый месяц докладывает комитету комсомола завода о выполнении двух производственных заданий, за себя и героя-комсомольца. Не так давно за отличную работу Петра Федотова наградили орденом Трудовой Славы 3-й степени.

Я. ПАВЛОВ. Очень рад за него. Если увидите Петра раньше, чем я, поздравьте от моего имени. Это и есть истинная сопричастность подвигу. Один свершил его на поле боя, другой вершит в труде. И хотя исторические обстоятельства у них разные, цель одна — во имя Родины, ее могущества, ее светлого будущего. Каждый день получаю письма от молодых людей. Разные это письма, подробно говорить о них не буду. Часто мои корреспонденты сетуют на то, что в мирное время совершить героический поступок невозможно. Что вот-де хорошо было нам, когда перед нами был враг.

В. КАТУНИН. Простите, что перебиваю вас. Комсомольским работникам тоже нередко приходится слышать подобное, стало быть, вопрос весьма актуальный.

Я. ПАВЛОВ. Подвиг не может быть случайным. Как правило, его совершают те, кто сознательно готовился к нему всю жизнь. К подвигу шли через упорную учебу, честный труд, солдатское мужество. Истинная доблесть в том, чтобы отдать всего себя, все умение — воинское или рабочее — главному делу. Ошибаются те, кто считает, что только война может показать, на что способен человек. Война — это работа, трудная, изнурительная, опасная работа. Но мы видели тогда дальше, мы видели Победу. Надо всегда видеть дальше, видеть будущее, которое складывается сейчас. Разве прокладывать рельсы через сотни километров болот и таежных лесов легко? Разве каждый день спускаться в шахту, чтобы дать стране уголь, просто? Не зря ведь лучшие молодежные бригады награждаются сейчас знаменами войсковых соединений, бесстрашно сражавшихся с фашистами.

В. КАТУНИН. Хочу снова вернуть вас в прошлое, Яков Федотович.

В полчасе езды от Волгограда есть поле, которое мы не так давно стали называть «Солдатским». Кусок земли, исчисленный балками, площадью более четырехсот гектаров. Хорошая пахотная земля, которой вот уже тридцать с лишним лет не касался плуг, потому что поле было буквально усеяно неразорвавшимися снарядами, бомбами, прочим военным железом, останками людей. Накануне VII съезда мы решили разминировать поле, а потом провести на нем одну из торжественных акций. Штатных военных минеров в области не хватило, и тогда в обком ВЛКСМ пришли те, кто когда-то в армии приобрел эту специальность. Ребята рвались на эту небезопасную работу так, как когда-то рвались на фронт их отцы. Мы отбирали лучших. И вот на месте жесточайшего сражения началось разминирование. Одновременно поисковые группы предприятий и школ выясняли, какие части сражались в этих местах.

Из земли было извлечено несколько тысяч бомб, снарядов, мин, патронов. О ходе разминирования ежедневно информировались жители города и районов. Когда все было закончено, в партийные, советские, комсомольские органы стали приходить письма: люди предлагали поставить там памятник, передать поле лучшей молодежной колхозной бригаде, просто огородить, как реликвию. Не буду предварять события и рассказывать о наших планах. Важно то, что это поле — символ мужества советских солдат станет символом трудовой доблести молодежи области.

Я. ПАВЛОВ. А сколько их, таких мест! Сколько открытий предстоит совершить тем, кто делом жизни своей избрал военную историю, поиск неизвестных героев. С какой огромной надеждой ждут результатов этого благородного поиска тысячи солдатских матерей, родных и близких пока безымянных героев. И знаменательно то, Владимир Анатольевич, что примеру советской молодежи, которая несет вахту памяти, следуют теперь юноши и девушки братских социалистических стран. Они ведь будут на слете!

В. КАТУНИН. Да. Мы ждем в Волгограде посланцев молодежи социалистических стран. Память о подвиге советского народа-освободителя, о героях антифашистского подполья — чувство интернациональное.

Это чувство воспитывается в молодежи социалистических стран нашей партией и комсомолом, литературой и искусством, историей, теми, кто сам прошел военные испытания. Это чувство — плоть от плоти нашего партийного, гражданского мировоззрения. И если западные идеологи, напротив, стараются извратить свою молодежь от исторического бремени войны, умалчивают о ее уроках, предоставляя молодежи развиваться вне моральной связи с прошлым, мы говорим о нашем прошлом, потому что прошлое имеет огромный эмоциональный заряд, работающий завтра, потому что оно неотделимо от нашего сегодня.

Я. ПАВЛОВ. Помните, в нашу прошлую встречу вы рассказывали мне об операции «Острова 30». Что удалось сделать ребятам за это время?

В. КАТУНИН. Как вы знаете, операция была задумана чехословацкими студентами, которые учатся в Волгоградском пединституте. Именно они первыми начали поиск людей, участвовавших в освобождении города Острова от фашистов. Потом к ним подключились советские студенты. Сейчас участники «Острова 30» знают имена почти всех воинов, погибших при освобождении чехословацкого города. Студенты встречались в Волгограде с живыми участниками боев за Остров. С каждым днем связи групп поиска с ветеранами расширяются. Чехословацкие студенты с помощью своих советских друзей хотят подготовить биографический очерк о героях освобождения Острова. Работа эта огромная, но, судя по настроению ребят, они с ней справятся, во всяком случае, трудности, связанные с обработкой, проверкой, систематизацией материала, их не пугают. Ну, а самая конечная цель... Воспитать себя патриотом Родины, сильным и мужественным бойцом-интернационалистом, таким, какими были вы, ваши боевые товарищи, Яков Федотович, не щадившие жизни своих во имя освобождения братских народов от фашизма.

Я. ПАВЛОВ. Спасибо. Одна поправка — не были, есть. Рано нас в архив списывать. Пока живы, значит, есть. А когда не будет нас, дети наши останутся. И не хуже справятся с любым делом, которое поручит им Родина.

В. КАТУНИН. А теперь вам спасибо. За то, что верите в нас...

Диалог записал
специальный корреспондент «Смены»
Владислав ЯНЕЛИС.

Лампа под красной тряпкой. В комнате душно, глухо. Набросаны комом вещи. На столе лекарства, стаканы. На кровати в жару, в бреду, качая носатой, темнолобой головой, стонал в беспмятстве старый горновой. Жена, простоволосая, изведенная бессонницами, подходила, снимала с подушки упавшее со лба полотенце, сухое и твердое, накаленное его головой. Заменяла холодным и сочным, опуская на горячие, шевелящиеся морщины. Видела, как он выгорает, как его все меньше и меньше.

И хотела, чтобы затих и очнулся, взглянул на нее, напоследок сказал ей слово.

— Сема, вот тебе свеженькое, холодненькое! Можя, легче будет? Да когда ж гореть-то перестанешь?

Ей казалось: от головы его исходит свечение. Лицом она ловила его жар и дыхание. Старалась различить его бормотания, угадать в них свое имя. Не могла, смотрела на него сквозь красный свет лампы. Повторяла:

— Семушка, Сема!

А он не узнавал и не слышал. Стискивал на груди железные свои кулаки. И ему казалось: принимает у домы ночью плавуку.

Печь сотрясалась в реве, била жирной струей чугуна. Кидала ввысь багровые дымные тучи, прошибала их слепящими ворохами. Белый ручей пробегал через тьму, водопадом скользил в преисподнюю. И в глубоких ковшах лопались и взрывались красные пузыри и нарывы. Лязгал и свистел тепловоз. Было больно смотреть в кипение и клекот. И он, горновой, стискивая до слезного блеска глаза, напрягаясь, ликуя, проводил сквозь пламя махину электропущи, погружал в огнедышащий зев летка. И печь, захлебнувшись, обдавала ее пеной и сукровью, клокотала с хрипом и бульканьем, пережевывая кляп огнеупора. А он, сдавив рукоять управления, чувствуя плоть и страдание печи, закупоривал ее, усмирлял, прерывая ее извержение, и она дышала над ним гигантским своим животом, грохотала подолами железных поднятых юбок.

В дверь позвонили. Жена, слабо шаркая, поспешила в коридор открывать. Сын завернул с работы проведать отца, усталый, раздраженный и суетный.

— Как батя? — спросил он, проходя.

— Горит.

— Вот беда-то!

И сел, шаря глазами по дому, который давно покинул, забегая ненадолго и мельком.

Фарфоровая, облупленная балеринка с отколотой по локоть рукой. Комод под салфетками, с гнутой бронзовой ручкой. Приемник «Рекорд», покрытый скатеркой, и на нем зеленая граненая пепельница. Все было знакомо, блекло.

Сын торопливо глотал подставленный матерью суп. Жаловался ей:

— Ты говоришь, похудел! Похудеешь тут!.. Черти, что они там с начальником цеха творят!.. К праздникам новую линию хоть умри, апусти! Не с них, с меня спросят! А кого они мне подсовывают? Мальцов, недоучек! Он мотор включил—пережег! Резец поставил—запорол! Компрессор пустил—остановить забыл и ушел! Я говорю, с ними год биться надо, тогда из них, может быть, рабочие выйдут!.. А он мне их как готовые кадры! Я ему сегодня скал: «Брось, говорю, Петрович, мозги мутить! Или да, или нет! Не с тебя, а с меня линию спросят!»

Он гневно звякал ложкой, повышая голос на мать, ставя ее на место начальника цеха. И вдруг сквозь свой шум и ярость услышал, как в соседней комнате закричал, застонал отец, невнятно бормоча и стихая.

Сын поднялся, оставив ложку. Прошел к отцу, слыша сзади материнское шарканье. Отец лежал, костлявый, лобастый, в красном ламповом свете. Твердые, круглые, утонувшие в глазницах веки. Огромный дышащий кадык. Нервные щеки. Сын вглядывался в это знакомое, измененное болезнью лицо.

И внезапно вспомнил — через столько лет, словно что-то пронеслось и открылось: юнком он вбегает домой, осчастливленный бегом и легкостью, проносится к отцу через комнату, готовый нашуметь, засмеяться. И вдруг видит: отец сидит в полутьме и плачет, большой, смуглолицый, весь залитый слезами, и зеленая пепельница тускло горит на столе.

Он тогда испугался, будто подглядел недопустимое. Не спросил, не окликнул, а тихонько ушел от отца, от его слез. И всю жизнь не решался узнать, о чем отец плакал, отчего была его мука, что лежало у него на душе.

И теперь, через столько лет, глядя на отца, ловя его хрип и дыхание, он вдруг испугался: отец от него уходит. И уже никогда не спросить, что его мучило. Не обнять стариковскую голову. А все годы вспоминать и раскаиваться, почему тогда не утешил.

Сын тянулся к отцу, звал его:

— Батя, слышишь? Это я, Андрюха, очнись!

Но отец не слышал, стоя у ревушей печи. Грузили кокс и руду.

В ней, закопченной и угольной, уходящей сквозь своды огромным, морщинистым телом, окольцованной обручами, опоясанной связками труб, шло брожение и созревание.

Бригада с мокрыми лицами, ртутная, блестящая, яростная, прыгала, обжигая подошвами. Ремонтировала горновую канаву, выбивая из желоба красные слитки. И он, схватив стальную заостренную пику, задыхаясь от пекла, бил и бил в застывающий звонкий шлак. И напарник его, из брендспойта направляя напор на железные перекрестья печи, перевел струю на него, расшибая о спину твердый, шуршащий ворох. И он, благодарный, захлебываясь, ругнул его с криком и хохотом.

Еще позвонили. Дочь вошла, одолев высоту этажей. На ходу поцеловала мать, кивнула брату. И, пройдя через комнату, упала спиной на диван, как делала всегда, с малолетства.

— Трамвай долго не было. Стояла, ждала минут двадцать! — Она радовалась, что опять у своих. Чувствовала себя молодой и веселой, постукивая об пол высокими каблукками туфель.

— Уф, едва вырвалась! То один, то другой! То один, то другой! Пока угомонил... уснул... А Федора снова нет, все по дружкам шатается! — продолжала она уже гневно и жалобно. — Вчера заявился с ними! Все под этим делом, конечно! Я ему говорю: «Ну, не стыдно? На что деньги тратишь? Тут, — говорю, — гадаешь, на что детискама купить, все выкраиваешь...» На Вальке обувь горит. Позапрошлый месяц ботинки купила, где его только носит, — уже подметка отстала. Опять покупай, расходуй!.. Катке пионерскую форму купи, на тетрадки, на книжки дай, на кино дай... Говорила себе: не роди второго — намучишься. А он, Федька, — роди да роди! И ты, мать, туда же, — роди да роди! Вот и родила! А Федор свободный, где хочет, бродит... И ты его, братец, оправдываешь! Все вы, мужчины, одинаковые!..

Она гневно, возмущенно выпаливала, зыркала на них обоих, готовая ви-

нить и спорить. Но вдруг увидела их глаза, осуждающие, строгие, горестные. Опомнилась, спохватилась. Кивнула слабо на дверь:

— Папка-то как? Не лучше?

— Плохо, плохо с отцом!

И не было гнева и жалоб, а только испуг и раскаяние. Она сбросила туфли и беззвучно, в чулках, прошла к отцу. Стояла в полутьме, разглядывая в красноватом пятне тяжелый отцовский лик, худые, огромные руки, беспомощные, беззащитные.

И, чувствуя, как горячо и туманно в глазах, вдруг вспомнила: давнишний, из детства дождь. Падение холодных, из небес прилетевших капель. И отец, усадив ее к себе на плечи, накрыв с головой пиджаком, бежит по шоссе и гогочет, весь промокая и встряхиваясь, а мимо в шипении и реве несутся грузовики. И горячие, сжигающие сильные ручищи отца, и ей страшно и радостно на его трясущейся спине, и, выглянув из-под пиджака, увидела: близко, на кипящем асфальте, яркая, стоцветная радуга.

Это пронеслось и погасло. Темнели бессильно отцовские руки, от них шел жар, словно в них выпаривались, иссыхали отцовская жизнь и сила и вот-вот совсем обмелеют, и хотелось к ним припасть, целовать. Но она чего-то боялась. Шептала:

— Папочка, папка!

Он не слышал, был от нее далеко. Бок о бок с бригадой, оглохшие, черномазые, липкие, швыряли лопатами белый песок, ровняя у желоба бровку. Шли вдоль русла прокатившегося ручья. Оно было пустым и иссохшим, лишь в глубоких омутах краснели железные лужи. Вдвоем, обжигаясь, выбивали из них красноперых, звенящих рыбин. Вышвыривали их шумно на берег.

Он ворочал ломом, гремя о слитки, чувствуя глазами, губами раскаленность земли. Печь, живая, следила за ним из небес, колыкала в дышащей груди огненное молоко. Он торопился, готова купель. И напарник Васька Цыган, ковыряясь в стеклянном шлаке, повернулся гибкой спиной, и его рубаха, измызганная сажей и копотью, прилипла к мокрым лопаткам, зажглась, проступила цветами.

Александр ПРОХАНОВ

РАССКАЗ

огненная купель

Рисунок Константина ПЧЕЛЬНИКОВА

Явился и стоял на пороге, отдуваясь и охая, старый отцовский друг, такой же, как и он, горновой, и уже на покое. Кряхтел, раздобревший, грузный, стягивал фуражку и ею же отирал пот.

— Всегда говорю: высоко, Сема, живешь! Потому прихожу редко... Ну как хозяин-то?

— Болеет.

— Знаю. Наше теперь дело такое, милая, — болеть.

И он вошел, слеповато щурясь, а увидев молодых, повеселел, стал зорче, сел, оперев кулаки в колени.

— Чего надулись? Поссорились, что ли? Всегда, сколько помню, цапались. Раз из-за кастрюль подрались — кому на голове таскать. Ну, молодежь! Ну, бойцы!..

Он захохотал, оживляясь, радуясь, что дошел, что сидит среди старых знакомых, где любят его и слушают, где можно поворчать и посетовать.

— Вот вы говорите — болеет... А я вам говорю: берегите здоровье, пока молодые. Особо желудок. А то по столовкам носитесь, хватать, кусь! Без режима, без графика. А желудок, он тот же мотор, чуть нагрузку превысил, бац, пробой! Язва! И ходите, мучитесь!.. А второе дело — зубы беречь. Я хоть старик, а смотри — почти все целы!

Он, оскалясь, показал свои крепкие желтые зубы, победно крутя головой.

— Ну где же Семен-то? — спохватился он. И по взглядам, по молчанию, по раскиданному вещам и одеждем стал о чем-то догадываться. Заволновался: — Да где же Семен-то?

И пошел к нему, переваливаясь.

Стоял, наклонившись над другом, тяжело дыша. И навстречу ему из раскрытых, спекшихся губ несло другое, горячее и сухое, дыхание. Два их дыхания слетались, как две их души, о чем-то говорили и жаловались.

Он видел ясно: друг его исчезает. Уже наполовину ушел, уже не здесь, а с другими: таким было его обугленное, как горячий камень, лицо.

— Вот ведь, Сема, как у нас с тобой получилось!

Он думал, как сюда торопился. Хотелось прийти, посидеть. Потолковать о том и о сем: как черти, заводские, продули футбол приехавшей команде. Какую статейку прочитал он в газете про индийских слонов. Как Василь Цы-

ганков тоже вышел на пенсию. Вот об этом хотел говорить, как всегда, как обычно.

А до главного-то они не добрались. О главном они не успели. Все чего-то ждали, откладывали. Все чего-то было неловко.

А хотелось ему поразмыслить с другом, как они жили на белом свете и какой он есть, белый свет. Как работали и себя не жалели. Как любили жен и растили детей. Как воевали и приходилось им убивать. Как и их убивали, покрывая им тело рубцами и ранами. Как дружили, надрылись у домны, то кляня ее, то лаская, называя в шутку «Катюха». Как оба вышли на пенсию и, старая, среди хворостей, слабости, начинали думать о смерти, и каждый думал свое, не умея с другим поделиться.

Вот об этом бы им говорить, вот к этому им прикоснуться.

— Не успели, Сема, с тобой!

И, глядя на друга, вспомнил, как строили эту «Катюху», выдавали пробные плавки и прорвало у домыны горн. Она взрывалась и ахала, кидала огнем и металлом. Его сбilo горячим газом, удушило и скомкало. Он погибал. И друг в кислородной маске кинулся в пекло и вынес его, сам в волдырях и ожогах.

И хотелось об этом напомнить, о вечной своей благодарности, да только не было слов. И он повторял бестолково:

— Вот как, Сема, с тобой!..

Но тот был не здесь, не с ним.

Печь клокотала и булькала. В ней поспевала плавка. В медных, застекленных зрачках бушевало белое солнце. Бригада, торопясь и покрикивая, строила из глины футляр, новое жерло летка. Швыряли лопатами жирный черный раствор. Замуровывали, уплотняли. А потом, схвативши трамбовку, в двенадцать рук раскачали, ударили с оханьем. Скользили кулаки по металлу. Кричали и скалились. Отекали росой. Танцевали в ядовитых хвостах. Отбивались от газа и пламени. И он, надрываясь, со стоном, в едином со всеми дыхании, ликовал, нанося удары.

Все сидели у стола, растерянные и сметенные: куда-то бежать, что-то делать. Или ждать и прислушиваться, боясь пропустить, не проститься. В темноте, из красного, чуть видимого отсвета, надвигалось на них беззвучное и огромное. Жена пошла сменить полотенце. Отжала, положила на лоб. Присела на край кровати, почувствовав твердую тяжесть большого, длинного тела. Испугалась этой недвижной длины. Старалась вспомнить его иным.

Как летели над ними, опадая с деревьев, солнечные, сухие снега. Румянили лица, наполняли блеском глаза. Освещенные низким малиновым солнцем, они бегали по теням и сугробам, проваливаясь в их пышное лоно, собака виляла и металась, хватала снег алым языком, и по дороге везли возы золотой промерзшей соломы.

Крохотная деревенька в лесах. Кипение чугунов на плите. Над печкой качаются синеватые беличьи шкурки. И из жаркой ночной избы — в холод, в трезвон дороги, в звездное разноцветье.

Он впереди, она сзади. Ей он казался очень большим, в полушубке, в скрипящих валенках, в мохнатой, распушенной ушанке. Шагал широко и быстро, на нее не оглядываясь, увлекая ее за собой. И она, едва поспевая, в веселье и страхе, колдовала на него суверенно. Молчала: не отстать, не отстать.

Крутая на поле гора. И он, дыша, убыстряя шаг, идет на нее, сгребая курчавым воротом звезды, чувствуя ее бег за спиной, ее придыхания, усталость. Гора все круче и круче, а он все быстрее. Слезно, звездно в глазах. И сердце стучит, и одна только мысль: не отстать. Как сложится сейчас, так и в жизни.

Они вышли на ровное поле, на ясный небесный простор. И он, утомившись, шел уже тише. Улыбался ей в темноте, обнял ее. Она, гордясь и ликуя, заглядывала на него, ловила его дыхание, изморозь темной овчины. А потом, чувствуя, как радостно ей, какие силы льются с небес в ее легкое, тонкое тело, прибавила шаг, ускользнула. Удалялась одна по белой пустой дороге. И, слыша, как он отстает, внезапно подумала: все так и будет. Не гору одоле-ли, а жизнь.

И теперь, сидя с края постели, сжимая затвердевший ком полотенца, вглядывалась в лицо старика, узнавая в нем молодого.

— Как загадала, так и вышло. Все у нас с тобой как по писаному. Все, как на той горе.

Свадьба была не бедной. Родился и умер ребенок. Война, его рана. Ее горькое, в степях, ожидание. Негаданное его возвращение. И рождение детей. И труды над ними и хлопоты. И мельканье лет. Их ссоры и их примирения. Их усталость и старость. И вместе жизнь прожитая, одним дыханием и взглядом, и вот та черта, на которой теперь расстаться, и он исчезнет во тьме, а ей одной идти по белой дороге.

И, видя, как он исчезает, — минута, и нет его больше, — она испытала такую тяжесть, и боль, и страх, такую любовь и жалость к тем, молодым, дышавшим на чистых снегах, что кинулась мужу на грудь, целуя его руки и сухие, твердые губы:

— Сема, Сема, куда? Куда ты меня отсылаешь?

А он не внимал и не слышал.

Подводил к летку бурмашину, чувствуя в кулаках тяжелое дрожание моторов, трясение и гул земли. Налегал. И там, где рвануло белым и метнулся первый чугун — такая радость и сила. Охватило светом весь цех, понеслось, убыстряясь. Разделилось на два рукава в языках и кипении. Печь стенола в огнях, выпуская свою жизнь на свободу, высвечивая тьму до белого слепого пятна. И в радостном бурлении и дыме — лица любимых и близких: хохот юной жены, разметавшей красную юбку; дети скачут и вьются, давят ягодный сок; друг, молодой, а не старый, раскрыл навстречу объятия.

Он шел в разноцветных отсветах вдоль чистой стальной реки, наблюдая ее половдье.

— Сема, Семочка, голубчик мой ненаглядный! Да на кого же ты нас оставяешь! Да посмотри на свою доченьку, как она сиротой станет жить! Да посмотри на своего сыночка, как он на тебя-то похож, а ты от него улетает! Да взгляни, Семочка, на своего верна друга, как ты его оставяешь без совета, без ласки! Оглянись ты, Семочка, на меня, как же мне теперь одной управлять все дни, все часочки! Глазоньки твои закрыты! Чего они, твои глазоньки, видят?

Она билась над ним, а дети ее унимали.

А он, убыстряя шаг, шел вдоль огненного живого ручья, туда, куда тот изливался. Свистел тепловоз. Летел графитовый пепел. Лязгали бортовины платформ. В ковше, куда проливалась плавка, поднимался в рост яслилицый младенец. Тянулся к нему и звал, плескался в звоне и хохоте. Принимал его в свою огненную купель.

ГЛАВНОЕ ВНИМАНИЕ В ПРЕДСЪЕЗДОВСКОМ СОРЕВНОВАНИИ ОБРАТИТЬ НА ИЗЫСКАНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ РЕЗЕРВОВ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ КОНКРЕТНЫХ ЗАДАЧ, ВЫДВИНУТЫХ В ОБРАЩЕНИИ ЦК КПСС К ПАРТИИ, К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ, В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА ПО ВОПРОСАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ.

Из постановления ЦК КПСС «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXV съезда КПСС».

ЗАВОДОДСКОИ РАДИОН

ЗАВОД ЗАКРЫЛ ПРИЕМ

Директор Карагандинского завода резинотехнических изделий
В. С. ГАРКУША:

— Познакомились уже с нашим заводом? Как видите, совершенно новый, ввели только первую очередь. Самой стройке конца и края нет. В перспективе завод вырастет в комбинат-гигантище — крупнейший в отрасли. На тридцать тысяч рабочих. Двадцать тысяч наименований резинотехнических изделий станет он выпускать. Для автомобилей, тракторов, железнодорожного транспорта, шахт и т. д. Оснащение предприятия — лучшая отечественная и зарубежная техника... Итак, что вас интересует?

— У меня несколько вопросов. Впрочем, все они вытекают из одного — главного. По пути к вам на двери отдела кадров я заметил прямо-таки аршинных размеров (случайно — не случайно?) объявление: «Завод закрыл прием». Выходит, избыток кадров?

— Это странно?

— Да.

— Почему?

— Проблема, ставшая бичом для многих новых предприятий, — недостаток трудовых ресурсов. Сколько бы мы ни радовались, любовались, гордились вводимыми каждый год в стране сотнями новеньких, с иголочкой заводов и фабрик, наступает после торжеств время запускать производство на рабочий режим и... Как часто оказывается, квалифицированных рук не хватает, от этого — по цепочке — простанывает или используется несто процентно дорогостоящее оборудование, проектные мощности осваиваются медленно, государство несет убытки. Знакома вам картина?

— К сожалению. Вот свежий пример. Был я недавно в Саранске, на комбинате резинотехнических изделий. Родственное нам предприятие. Тоже как картинка, только мы вроде бы еще новорожденные, а коллеги вышли из этого «возраста» несколько лет назад. Завидовать было нечему. Из года в год не хватает людей. Старался разобраться, как выходят из положения, как привлекают, готовят опытные силы, удерживают на предприятии свои, уже выращенные. Делается, на мой взгляд, маловато. Взять, к примеру, жилье. Туго в Саранске с квартирами. И что же? На Саранском комбинате по-прежнему не планируют расширение жилищного фонда для своего коллектива. Конечно, люди недовольны, часто увольняются. Текучка несет за собой невыполнение плана, снижение зарплат, что еще более углубляет кризисную ситуацию.

Лев РУМЯНЦЕВ,
слушатель ВПШ при ЦК КПСС

6. КОНФЛИКТ В БЕСКОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

— Я разговаривал с рабочими вашего завода. Они утверждают, что, поступив на предприятие, уже через месяц-полтора смогли получить отдельные благоустроенные квартиры. Срок поразительно малый. Не в этом ли...

— ...главная причина того, что мы сумели полностью обеспечить себя специалистами? Вам, конечно, интересно узнать, как нам удалось избежать традиционного для больших строек отставания ввода жилья от промышленных объектов?

Жизнь, знаете ли, заставила рационально, экономически верно подойти к делу. Завод стали возводить в 1967 году. Начали привычно: всех строителей бросили на сооружение цехов. Несмотря на это, завод рос крайне медленно. Причина? Объект строился в пустынной степи, в тридцати километрах от Караганды. Строителей ежедневно доставляли на машинах. Почти два часа уходило на дорогу. А каково было зимой, в пургу?! Люди мерзли, уставали — где уж до образцов труда! В общем, дальняя, неудобная, отстающая стройка мало располагала к себе и строителей и их руководителей.

Совсем иначе пошло дело, когда в Министерстве нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности решено было кардинально изменить отношение к возводимому директивному объекту девятой пятилетки. Менее чем за год близ строящегося завода был построен жилой микрорайон. Часть квартир выделили строителям, справедливо рассудив, что они сами станут первыми кандида-

тами в рабочие будущего, возводимого их руками предприятия.

Сейчас в поселке проживает около десяти тысяч строителей и эксплуатационников завода РТИ. К концу года население вырастет до двадцати тысяч.

На каком-то этапе, конечно, строительство завода (за счет ускоренного ввода жилья) несколько затормозилось, но затем график строительных работ был с лихвой опережен. Формально акт о пуске завода подписали в декабре 1974 года, но задолго до заключительного решения Государственной комиссии предприятие, освоив временную технологическую схему, выпустило и реализовало продукцию почти на миллион рублей.

— Итак, жилье?..

— Безусловно. Рабочих на завод привлекла перспектива быстрого получения квартир. Двух мнений тут быть не может. Замечу, что профессии на предприятии нелегкие, непростые. На резиносмесьщика, вальцовщика, прессовщика, шприц-машиниста надо учиться полтора-два года. Но так как нам удалось своевременно набрать рабочих, мы успели обучить незнакомому делу около двух тысяч человек — на заводах Москвы, Курска, Ярославля. Благодаря этому с первых дней предприятие взяло и выдерживает ударный рабочий ритм.

Хотя и торопился директор, мы еще долго обсуждали заводские дела, о которых Виталий Степанович рассказывал с видимым удовольствием. Ему немногим за тридцать. Двенадцать лет назад окончил Днепропетровский технологический институт. Получив новый завод, взялся за работу горячо, заинтересованно. Небольшой штрих к портрету. Заметил я у него книжку, вышедшую в издательстве «Экономика». Называется «Формирование коллективов на строящихся пусковых предприятиях». «Помогает?» «Есть что пошерстить», — улыбнулся Виталий Степанович. — Я целую библиотеку скомплектовал по этому вопросу».

Лишь однажды набежало легкое облачко на лицо директора, когда речь зашла об инженерно-технических кадрах.

— К сожалению, вакансии на ИТР не закрыты. Ждем по разнарядке министерства 120 выпускников вузов.

...Ушел на производство вызванный срочным звонком В. С. Гаркуша, оставил меня наедине с разбухшим от записей, сделанных на заводе, блокнотом. Листаю его, вспоминаю мысли, с которыми выезжал в командировку. Признаться, иное ожидал увидеть и услышать. Отнюдь не бедствует новый завод, не лихорадит, не трясет его. Вполне обеспечен он рабочими руками...

Да, редкий директор по-житейски не позавидует сейчас Гаркуше. И жильем обеспечен своевременно и с запасом, и штат полон... А взять профтехучилище при заводе. Далеко смотрел Гаркуша.

Ясное дело, что принимать неподготовленных людей с тем, чтобы слать их на учебу за тридевять земель, — удовольствие дорогое. Это могут позволить руководителю на первых порах, с оговоркой на «издержки производства».

Один Гаркуша знает, сколько ему стоило труда «пробить» это вот уже два года благополучно здравствующее — при отличной учебной базе и вступительном конкурсе четыре человека на место (такое не в каждом вузе встретишь!) — профессионально-техническое училище, готовящее своему шефу — заводу РТИ — аппаратчиков широкого профиля.

Директор ПТУ Сапаргали Тулегенов рассказал мне, что даже поспешили с открытием училища при заводе, который, так сказать, еще ни в одном документе не числился, лишь строился. Выпустили первых аппаратчиков — 250 ребят и девчат, а работать им вроде как и негде: до пуска предприятия еще полгода. Только сразу нашлись хозяева при нынешнем дефиците резинщиков по всей стране. Срочно запросило выпускников московское объединение заводов «Каучук». И сейчас идут из Москвы телеграммы с просьбой «уступить» молодых рабочих, да уже все: себе нужны.

Вот такую, не правда ли, полную благополучия нарисовал я вам картину. Однако не надо спешить. Есть в моем блокноте записи, которые наводят на далеко не идеалистические размышления и выводы.

Вот, к примеру, одна из них — высказывание молодой работницы формового цеха. Выразилась она довольно категорично: «Кому как, а мне не нравится здесь. Я немного еще подожду и подам заявление на увольнение».

Начальник отдела кадров Роза Михайловна Гутковская так прокомментировала: «Если этот своего рода конфликт произойдет, то он будет на моей памяти чуть ли не самым первым на заводе».

«На заводе нет текучести и вряд ли будет, потому что нет вызывающих ее объективных причин», — говорил мне также Виталий Степанович Гаркуша.

К сожалению, причины эти уже реальны. Об этом произошел у меня другой разговор.

ТЕМА ОСТАЕТСЯ ОТКРЫТОЙ

Секретарь комитета комсомола Карагандинского завода резинотехнических изделий инженер Наталья ХОХЛОВА:

— В прошлом году я закончила Кировский политехнический институт. При распределении предложили широкий выбор. Решила поехать на Карагандинский завод. Слышала о нем, что самый современный, самый перспективный, самый интересный... В общем, «самый-самый». Что лучшего желать молодому специалисту? Где ему доказывать себя, как не в новом деле, в коллективе, который только рождается, закладывает традиции? Попросилось нас из Кирова сразу девять человек.

— Не разочаровались?

— Видите ли... Очень нравится работа. Как-то сразу нашли тесный профессиональный контакт с директором и главным инженером — люди они отзывчивые, прекрасные инженеры. Помогли нам создать совет молодых специалистов, всячески поддерживают. Мы ведем занятия в профтехучилище, это интересно. Одним словом, с производственной стороны жизнь, как говорят, подтвердила ожидания.

— А внерабочая сторона?

— Если откровенно: скучно жить в поселке, и очень. Наш поселок, как островок, заброшен в степи. Близке Караганды находится город Сарань, куда мы от случая к случаю ездим в кино. Именно от случая к случаю, потому что не всегда рассчитываем выбраться вечером из Сарани: автобусы в это время ходят редко, а то совсем не ходят.

В самом же поселке нет ни кинотеатра, ни клуба. Завком собирается купить небольшую киноустановку (как в глухом селе, не так ли?) и музыкальные инструменты. Но есть ли в этом большой смысл? Все равно показывать кинофильмы, репетировать оркестру, ставить концерты негде.

Иногда мы пользуемся активным залом профтехучилища — проводим вечера отдыха (бывает, яблоку негде упасть, поселок сплошь молодежный). Но нас тактично — все же мы шефы! — Сапаргали Тулегенов постепенно отваживает как надоедливых гостей. Его понять можно без обиды: под опекой у него около 600 подростков, все живут в общежитии, надо устраивать им досуг. Не до наших тут проблем...

Прав Тулегенов, когда говорит нам: стройте быстрее Дом культуры, стадион, спортивный зал, библиотеку-читальню, словом, чтобы было все как у людей. Тогда и скука отстанет. Я к вам буду просителем ходить, а не вы ко мне, милые шефы.

— Я полагаю, что все так непременно думают, все «за».

— Идут в основном порошковые разговоры. Строить Дом культуры предполагается начать через год. Увы, и этот никак не годный для нас срок не окончательный. К тому же не секрет, что культурно-бытовые объекты строятся, мягко говоря, неторопливо.

Сидеть сложа руки мы не собираемся. Но много ли одними комсомольскими силами можем сделать? Ну, разобьем летом спортплощадку, сетку натянем, футбольные ворота поставим. Ну, сделаем несколько массовых выездов в шахтерскую зону отдыха, если договоримся с горняками (пусть, кстати, неблизкий — за два десятка километров). Что еще? Да все, пожалуй, хоть будь у нас семь пядей во лбу. Не придумаем больше. Зимой вовсе некуда будет выбраться.

— Надоест такая «сторона жизни» — и обратно, Наташа, в Киров?

— Лично я нет. По крайней мере об этом не задумывалась. За других говорить не ручаюсь. Настроение, однако, не у всех бодрое.

К осени ждем пополнение из вузов. Вам говорил об этом директор? Новизна впечатлений увлечет новеньких — так всегда бывает. Но надолго ли в наших условиях? Ведь в сутках все же двадцать четыре часа, а не только восемь, отведенных для работы.

Согласитесь, далеко не равнозначных взглядов придерживаются два руководителя — предприятия и комсомольско-молодежного коллектива. Кстати, молодежь — главная производственная сила на Карагандинском заводе РТИ. Полное единомыслие о климате в производственной сфере молодого предприятия — и контраст, когда ставятся вопросы, так сказать, с обратной стороны: как с бытом, отдыхом, спортом, досугом, учебой молодежи.

В круговороте всяческих дел, какими приходится заниматься директору растущего не по дням, а по часам завода, Виталию Степановичу, по-видимому, некогда всерьез заняться решением всего того, что прямо не связано с цифрами плана; к тому же он считает остальное мелочами жизни, исчезающими со временем само собой.

Позвольте, Виталий Степанович, поддержать позицию комсорга — комсорг не разделяет в этом отношении вашего оптимизма. Нет, не только уютной квартирой, перефразируя известную поговорку, сможет прожить сейчас рабочий человек. Особенно молодой (а таких, повторим, большинство на предприятии), у которого силы, энергии, бодрости остается с избытком после любого напряженного дня. Ему бы отдохнуть весело, интересно, с пользой — только тогда он чувствует, что живет полноценно, никому не завидуя, гордясь своим заводом, своим рабочим коллективом.

А многим парням и девчатам хочется и не отдыхать вовсе, им бы после работы переключиться на другое дело, недоделанное в свое время по разным причинам, — на учебу.

Помню, сказали мне в отделе кадров, что проведен опрос 25—26-летних рабочих завода: кто желает продолжить образование. Оказалось, что почти все хотели бы закончить техникум или институт. Только нет при заводе и в поселке ни вечернего техникума, ни филиала института. И по-видимому, не скоро будет.

— Отказало нам в этом министерство, — сокрушался В. С. Гаркуша.

В министерстве, в главке «Главрезинпром» не один десяток предприятий, пусть не таких перспективных, как Карагандинский. Где же, конечно, знать московским работникам все нужды резинщиков Караганды. Тревожные сигналы отсюда редки, предприятие работает устойчиво. Кроме того, считается, что еще новому заводу надо: зильбем обеспечен, значит, крепко, надежен у него тыл.

Проявить бы в этой ситуации свое знаменитое упорство Виталию Степановичу (каким он был, к примеру, когда боролся за ПТУ), доказать в министерстве, что отнюдь не все благополучно. Нужно внимание не только к производственным нуждам завода, но и к социально-общественным. Однако это убеждение — о крепком тыле — засело, как мне кажется, глубоко в сознании самого директора Карагандинского завода РТИ.

...Хорошо начал будущий флагман резинотехнической промышленности страны. Не хотелось бы, чтобы его движение вперед замедлилось.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Сергей Сергеевич Смирнов...

Это имя, без преувеличения, знают все: школьники, рабочие, инженеры, медики, ученые, студенты... Сергей Сергеевич — это «Брестская крепость», это «Подвиг», это десятки и сотни восстановленных для истории имен неизвестных героев...

Шестьдесят лет... Это много или мало? Много, если вести счет тому, что написано, что сделано для людей, для их счастья. Мало, если взглянуть на такого молодого, всегда энергичного, с ясным, внимательным взглядом Сергея Сергеевича Смирнова.

Лауреат Ленинской премии, руководитель Московской писательской организации, С. С. Смирнов отдает все свои творческие силы обществу, прогрессу, миру, жизни...

Журнал «Смена» гордится тем, что долгие годы Сергей Сергеевич находится в нашем коллективе, что он член редколлегии журнала.

И все мы — сотрудники редакции и миллионы наших читателей — поздравляем от всей души Сергея Сергеевича с юбилеем и желаем ему здоровья, творческого труда, мужества и доброты на благо советской литературе, на благо людям.

*Пятилетка,
молодежь,
писатель...*

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

Размышления
о молодежной
стройке

КОСТЕР П

Монолог после спора

В десятый раз прокрутил в памяти наши с тобой разговоры о лице и характере новых городов и вот возвращаюсь к ним опять.

Конечно, ты профессионал, градостроитель высокого класса, и на девяносто процентов в наших дискуссиях прав ты. Тем более, что твои аргументы наполовину обрели плоть: уже стоит над Камой большой современный город, построенный буквально за несколько лет, — город разумный и красивый.

Я видел Челны с разных точек. Видел со стороны объездной автомобильной дороги — белый город без серой каемки окраин. Видел с самолета — сверху его аккуратные кварталы кажутся нарисованными. Видел с реки — кусок старых Челнов, как бы иллюстрацию к твоим словам о том, что набережные маленьких провинциальных городков не застроены, а захлавлены ветхими домишками. И видел тот же район на мажете — будущий центр города, отличный центр с театрами, магазинами и ресторанами. По площади он будет вдвое больше московского проспекта Калинина.

Отличный растет город!

Повторяю, на девяносто процентов в наших спорах прав ты. И если теперь я все же решаюсь отстаивать десять процентов моей правоты, причиной тому вовсе не самолюбие. Дело в другом.

В городах, построенных профессионалами, жи-

мам! Основная часть транспортных потоков выведена за городскую черту. Говорят, в Челнах не будет ни единого светофора — любой водитель захочет пожать руку мудрым проектировщикам.

Но хватит ли этого городу, чтобы стать любимым? Давай-ка представим себе день горожанина, пользующегося всеми запроектированными удобствами.

Встал. Принял душ. Отвел ребенка в садик. Поехал на работу. Пообедал в столовой. Приехал с работы. Взял ребенка из садика. Купил что надо в продуктовом магазине и что надо в промтоварном. Поужинал в кафе. Сходил в кино. Лег спать.

Хорошо? Очень! Достаточно? Нет!

Ибо все это пока еще не город, а — как бы это сформулировать? — цех текущего ремонта рабочей силы. Хорошо спланированный цех, в котором человек после смены восстанавливает свой трудовой потенциал к началу следующей смены.

Но для жизни этого мало. И для производства, кстати, тоже мало. Ибо на количество и качество продукции влияет не только здоровье и бодрость, но и настроение работающего человека. А даже самые лучшие магазины, столовые и прачечные прочного настроения все-таки не создадут.

Что же человеку нужно от города?

Многое нужно.

Вот у меня к тебе, градостроителю, несколько конкретных вопросов.

Где в современном грамотном городе ребятам играть в казаки-разбойники и прятки? Одна моя

О ЧЕТВЕРГАМ

вут люди, ничего не понимающие в градостроительстве. В большинстве своем они не шоферы, чтобы смотреть на город со стороны, и не летчики, чтобы любоваться им сверху. У них свои критерии и свои оценки, не учитывающие которые нельзя.

Ты считаешь, что в принципе города делятся на грамотные и неграмотные, удобные и неудобные. Вероятно, так оно и есть.

И, конечно же, Теплый Стан или Медведково куда грамотней старого московского центра, с его теснотой, узкими улочками и проходными дворами. А те же Челны, безусловно, удобней Костромы или Ужгорода, построенных бог весть когда, да, собственно, и не построенных, а выросших, как дерево в лесу, без плана и пристрастия.

Но почему тогда тысячи жителей Ховрина или Кузьминок стремятся поменять квартиру на неграмотный московский центр (типичная фраза из объявлений: «...в пределах старой Москвы»)? Почему люди так долго колеблются, прежде чем покинуть ту же Кострому или Владимир, но без особых размышлений уезжают из Тамиртау, Ангарска или великолепного города Навои?

Дело в том, что города делятся не только на грамотные и неграмотные. Еще они делятся — и это, пожалуй, не менее важно! — на любимые и нелюбимые.

Челны будут удобным и грамотным городом, в этом я не сомневаюсь. Но как сделать, чтобы они стали городом любимым?

Его удобство и разумность заложены в проект. Столько-то метров жилья на человека, столько-то магазинов, столовых, прачечных, аптек, столько-то мест в кинотеатрах. Все по современным нор-

восемилетняя приятельница пролила свет на эту проблему. Игруют ребята в прятки, играют. Прячутся в подездах, за машинами и за мусорными ящиками.

Бедновато, а?

Где влюбленным назначить свидание, а знакомым — встречу? У химчистки? У автобусной остановки? У фонарного столба, пятого от угла? Но столбы похожи и углы похожи.

Московский телеграф хорош не только тем, что просторен и своеобразен, но и тем, что его широкие ступени — приметное и удобное место встреч: всем известно и не на проходе. Не назовешь ли такое место в Вишняках, на Средней Охте, в Ярославском Брагино или челнинском поселке ЗЯБ?

В старом городе, большом или малом, обязательно есть «пяточок», «бульвар», «стометровка», «проспект» — как хочешь, так и назови традиционное, общепризнанное место гуляний. В новых городах много широких, удобных для транспорта улиц. А для людей такая улица есть?

Где улица, по которой хорошо пробежаться утром, и где та, что словно создана для грусти?

Где бульварчик для молодых мамаш с колясками и где другой — для бабушек с малышкой? Где тот тихий зеленый тупичок со скамейками?

А где парню вечером походить с девушкой? Ведь молодежь так и говорит друг о друге: он

У каждого города есть два облика: внешний и внутренний. Внешний — это его улицы и дома, уже построенные и строящиеся фабрики и заводы, и еще многое-многое другое... А внутренний — это люди, те, кто живет в городе и дает ему жизнь. И хорошо, когда оба они созвучны друг другу, так, как в Набережных Челнах, где руками молодых строится КамАЗ.

с ней ходит. Так вот, где им ходить? Где укрыться в прямых и просторных кварталах, простреливаемых взглядами насквозь? И где им, прости, поцеловаться? В подъезде? За машиной? За мусорным ящиком? Иного-то места ты не предусмотрел...

На каждой молодежной стройке есть сопка любви, остров любви, роца любви — даже там, где вроде бы нет ни сопки, ни острова, ни роцы. В Темиртау новоселы от полной безысходности назвали сопкой любви голый холмик посреди города. Именно его в первую очередь утыкали тощими саженцами — теперь они, надеюсь, разрослись...

Как утверждает древнее изречение, любовь и голод правят миром. О пище ты подумал, столовых в городе хватает. Что же ты не позаботился о любви?

Кстати, обращаешь ли ты внимание на такое обстоятельство? В человеке нет ни одной прямой линии, ни одной ровной плоскости. Он, как и вся природа, — сложное сочетание кривых. Так почему же так прямы, так геометричны наши новые города? Ну, дома, панели — ладно. Но ведь даже пруды роют круглые или квадратные. Зачем? Какая надобность? Чтобы в плане выглядели аккуратнее?

Города «очеловечивают» зелень. Зеленая архитектура дополняет и облагораживает архитектуру каменную. Но как торопливо, как бюрократически-равнодушно селим мы дерево в городе! Ему расти сто лет. А мы за три часа воскресника втыкаем одинаковые саженцы вдоль асфальтового шоссе. И получают две ленты — вдоль серой зелена. И тут прямая! Вместо того, чтобы скрадывать геометричность современных городов, зелень ее подчеркивает...

Наверное, ты возразишь: дендропланы вводятся в проект, там указано, какие деревья сажать и как. Да, планы есть. Но авторский надзор, достаточно строгий, когда дело касается дома или квартала, замуривается, когда сажают парк. И получается не парк, не бульвар, не сквер, а столько-то квадратных метров зелени. Есть чем дышать, но нечего любить. Фабрика кислорода при цехе рабочей силы. И тут фабрика...

Мне очень нравится новосибирский Академгородок не только потому, что там между кварталами живет собственной жизнью нетронутый лес, но и потому, что в лесу том щедро разбросаны белочки кормушки. Думаю, если бы удалось высчитать влияние белок на продуктивность научной мысли, белки были бы приятно удивлены...

Города располагаются не только в пространстве, но и во времени. В этом последнем измерении старые города богаты и огромны, их есть за что любить. Ярославль, Рязань или тот же маленький Ужгород можно изучать годами, переходя от дома к дому, от стиля к стилю, от десятилетия к десятилетию, из века в век.

У новых городов история скромная. Но тем больше необходимость ее беречь и выделять. Ниц город без прошлого! А даже год жизни — уже прошлое.

У Челнов прошлое есть. Но не сметет ли его полностью сегодняшний город, расчищая площадки под новые свои кварталы?

Нет, я вовсе не за то, чтобы и через десять лет кто-то жил в приземистых домишках без воды и канализации. Но почему бы в облике завтрашнего города не отразить разные периоды его истории?

Прости за дилетантское предложение, но нельзя ли в новых Челнах сохранить кусок Челнов старых — скажем, клуб, магазин и одну-две избу, разместив в этих строениях торговый центр или кафе? Пусть обитатели белых многоэтажных башен знают, как жили тут совсем недавно, в докамазовский период...

И нельзя ли оставить в разных районах города несколько проработок, бытовок, жилых вагончиков и времянок, вроде той, что так ловко смастерил в одиночку мой приятель Федя, Филгат Тимергазин? Оставить опять-таки не как экспонаты, а отдать под газетные киоски или сувенирные ларьки, снабдив, впрочем, пояснительными досками? Вряд ли проиграет облик города, если они хоть малость «разбавят» симпатичные, но одинаковые типовые «стекляшки».

В последнее время мы научились уважать и хранить нашу старину. А вот к истории недавней иногда до обидного равнодушны. Ломаем бараки двадцатых годов — так уж все до единого. Радуемся, когда «затягиваются» раны земли — обваливаются и зарастают землянки и окопы минувшей войны. С восторгом сносим последние улочки перестраиваемых городов и на месте их разбиваем площадки и газоны... А ведь

это предается забвению самое близкое, самое кровное наше прошлое...

В Челнах, естественно, есть главный архитектор. Есть или будет главный художник. Есть главный санитарный врач, хоть и именуется он несколько иначе. Может, каждому новому городу, еще на стадии проекта, нужен и главный психолог? Человек, который бы думал и радел о том, чтобы город получился не только грамотным и удобным, но и любимым?

Самая трудная, но самая творческая работа для градостроителя — строить любимые города...

Требуется личность

В Челнах прекрасный Дворец культуры. Просторный, удобный и красивый. Даже роскошный — отделан гранитом и мрамором. Подробно описывать не буду, но, поверьте на слово, великолепный дворец!

К сожалению, впервые я попал в него во время эстрадного концерта. Группа на сцене была маленькая, но сплоченная и ровная по составу... Сначала ведущий передал славным строителям КамАЗа горячий актерский привет. Этот номер прошел неплохо. Но дальше пошли куплеты. Гражданское негодование было включено на полный накал. Ведущий клеймил грубость в торговой сети, тещу и мировой империализм. Хуже всего пришлось теще, хотя империализму тоже досталось. Не знаю, как другим, а мне очень хотелось вызвать автора. Просто на него посмотреть.

Увы, народ мы совестливый. Не смотрим в зубы не только дареному, но и купленному коню. Не можем аплодировать от удовольствия — аплодируем от неловкости. Конечно, хороший актер лучше. Но ведь и плохому как-то жить надо...

Затем выступил человек очень небольшого роста, объявленный просто по фамилии. По сценическому своему амплуа он был богатырь. От пояса вниз у богатыря шло трико, от пояса вверх — мускулы.

Он поклонился, а потом сделал вот что: взял в правую руку большую сверкающий шар и принял позу. Потом переложил шар в левую руку и принял позу. Потом прокатил шар по спине и поклонился.

Это не впечатляло, но озадачивало.

— А шар-то настоящий? — усомнился какой-то парень позади меня.

Девушка шепотом возразила:

— Конечно, вон как блестит.

— Его реквизиторша в авоське принесла, — съязвил сосед справа.

Тут снова вышел ведущий, и все тещи в зале оцетинились и напряглись.

А я отвлекся от искусства, я смотрел на зрителей и в большом, современном, удобном зале видел человек восемьдесят. Мало народу я видел в зале.

По концерту и аудитория, скажете вы.

А я отвечаю: нет, этот концерт ни при чем. И куплетист-разговорник и низкорослый богатырь выступали в тот вечер впервые. А зритель не пришел. Значит, заранее ждал зрелища, ну, пусть не совсем, но приблизительно такого. Значит, уже сложилась у зала репутация.

Жалко, хороший ведь зал!

Вот Лида Вирюкова из Челнов, тоже откликнувшаяся на эти заметки, выдвинула свою версию, почему уезжает молодежь: «Одно кафе на 180 тысяч молодежи, один Дворец культуры, куда на приличные концерты без так называемого блата не попасть...»

Да, когда во Дворец культуры не попасть без блата, это, конечно, нехорошо. А вот когда попасть легко, да никто не хочет, это уж совсем никуда не годится.

Может, мне просто не повезло, но я несколько раз заходил вечером во дворец и ни разу не видел его как следует заполненным.

Надо бы сейчас ругнуть дирекцию Челнинского дворца. Должны лучше работать? Я бы и ругнул, если бы вот уже много лет подряд не ругали мы клубных работников и не было бы от едкой этой критики так мало толку.

Недавно прочел отчет о социологическом исследовании. Нет, не челнинская это проблема. Вообще пустоваты у нас клубные залы и комнаты.

В чем же дело? Где причины хронической этой малолюдности?

Несколько лет назад в Венгрии я попал на вечер гуляша. Выглядит это вот как. Огромный зал, мест, наверное, на пятьсот. Столы. На столах гуляш, национальное венгерское блюдо.

За столами туристы из пяти стран: англичане, американцы, немцы, итальянцы и мы. Еще есть сцена, а на сцене парень лет тридцати в черном костюме.

Вечер длился часа четыре. Что это было? То ли взрослое развлечение, то ли детская игра. Конкурсы на сцене, один другого нелепей. Кто, например, быстрее запомнит и лучше споет песню по-венгерски. Или вытянет через детскую соску бутылочку яблочного сока. Или внезапно прерывающийся танец, когда на десять пар девять кресел и важно захватить хоть одно из них.

А главное, все четыре часа этим действием ловко, весело и естественно командовал симпатичный парень на сцене. Он безошибочно выдерживал из зала людей любого возраста, наделенных чувством юмора, способных на детскую игру. Он острил на пяти языках. Он радовался всему происходящему так же, как и мы. Конечно, это была работа. Но выглядела она как сплошное удовольствие.

Как назвать этого парня? Ведущий? Конферансье? Да нет, не то. Хозяин вечера, душа компании? Может, чуть ближе...

Потом мы долго вспоминали этот вечер. Экономист, бывший в нашей группе, тут же высчитал финансовую полезность валютного мероприятия. Представительница «Интуриста» позавидовала успеху венгерских коллег — после вечера туристы из разных стран буквально засыпали их благодарностями. А я подумал, что если поярче описать этот вечер да напечатать очерк в каком-нибудь популярном издании, глядишь, и у нас на турбазах...

Писать очерк я не стал, ибо тут же понял, что вечер гуляша с помощью методических указаний вводить бесполезно. Ничего не получится. Ибо все это дело, весь великолепный туристский праздник, все важное валютное мероприятие — словом, весь вечер гуляша — это прежде всего симпатичный и остроумный парень на сцене. Уберите его — останутся просто большая столовая, где вкусно кормят, но слишком много народа — никакого уюта.

Вечер гуляша — это не представление, это общение. А для общения методика не нужна. Нужна личность!

У клуба или Дворца культуры уйма обязанностей. В большинстве из них он дублер. Театр, но послабее профессионального, кинотеатр, но похуже настоящего, лекционный зал, но поскромнее лектория.

Однако у клуба есть сфера деятельности, где он никого не дублирует, и его заменить не может никто. Клуб прежде всего служит общению, тому самому общению, уровень которого определяет человеческая личность.

Теперь у меня вопрос к читателю: назовите фамилию хотя бы одного клубного работника страны, кроме тех, с кем знакомы лично... Честно говоря, на ответ не рассчитываю. Если вы сами клубный работник, кого-нибудь назовете. Если же нет...

Меж тем любой из нас вспомнит, не задумываясь, громкие и славные имена писателей, актеров, режиссеров театра и кино.

Конечно, возглавлять театр почетно и важно. Ну, а Дворец культуры? Ведь в городах небольших или новых, как те же Челны, директор или художественный руководитель Дворца культуры должен быть не только организатором досуга, но и носителем творческого духа, эталоном художественного вкуса, духовным лидером. Кто, если не он? Какие концерты слушать горожанам, какие фильмы смотреть, какие спектакли привезут на гастроли — все это он предлагает, а порой и решает. Какие виды и формы самодетельного искусства развиваются в городе, каков их уровень — и тут его слово бывает первым и последним...

А вот имен руководителей мы не знаем.

Нет имен, значит, нет корифеев, нет авторитетов, как это ни грустно, нет традиций. Вычеркните из истории сцены Станиславского, Мейерхольда, Вахтангова, Брехта — во что превратится сегодняшний театр?

Ощущение такое, что градостроители уже поняли значение клуба в жизни современного города. С архитектурной точки зрения многие центры нашего досуга вполне достойны называться дворцами. Бывает, внешне даже театр выглядит флигелем при ином Доме культуры.

Но, если хочешь знать точное время, не стоит мастерить для старых ходиков золотой футляр. Часы — прежде всего механизм.

Клуб — это не фасад и не зал, это работники клуба. Они умны и культурны — умен и культурен клуб. Они примитивны — примитивен самый роскошный дворец.

Но я не буду ругать клубных работников. В

большинстве своем они достаточно добросовестны и в меру полученного образования работают хорошо. Плоха сама мера полученного ими образования.

Недавно знакомый директор большого завода похвастался, что сумел «выбить» для художественного руководителя Дворца культуры небывалую ставку — двести восемьдесят рублей.

— Как у главного инженера, — сказал он. — А что? Зам. директора по культуре! От него зависит не меньше, чем от зама по снабжению или по быту. Город у нас небольшой, но производство сложное, специалисты нужны первоклассные. А им необходима среда. Заскучают — уедут...

Я стал хвалить директора за мудрость и дальновидность, но он отмахнулся:

— А знаешь, что было самое трудное? Не ставку выколотить, а найти человека, которому не жалко платить такие деньги...

А в самом деле, где найти человека? Где отыскать гроссмейстеров общения, профессоров свободного времени, специалистов по духовной жизни нашего сложного, требовательного, ироничного современника?

Среди гуманитарных вузов институты культуры стоят по престижу едва ли не на последнем месте. Их основной уклон — по-прежнему художественная самодеятельность в традиционных своих формах: драм, хор- и танцевальных. До сих пор идут дискуссии: может ли самодеятельность быть экспериментальной? Боюсь, нынче она уже не может не быть экспериментальной: ну, кого привлечет идея поставить спектакль, совсем как в театре, только, естественно, похуже, со скидкой на любительство?

Кстати, любопытная вещь: большие наши драматические режиссеры охотно идут в студенческие коллективы и используют их для творческих поисков, на которые иной раз не могут решиться у себя на профессиональной сцене...

Впрочем, самодеятельность — лишь часть проблемы.

Главное в другом: чтобы организовывать и направлять духовную жизнь не только рабочей молодежи, но и, естественно, технической интеллигенции в тех же Челнах, или в Тольятти, или в Навои, или на БАМЕ, нужно обладать духовной культурой самого широкого диапазона и самого высокого уровня. Такой культурой, чтобы специалист с гордым университетским значком смотрел на тебя с уважением и некоторой завистью...

В этих заметках я пишу в основном о молодых рабочих. Но ведь уезжают со строек не только они. Часто не приживаются и люди постарше, крупные, трудно заменимые специалисты, от квалификации и энергии которых зависит в деле слишком многое. Как их удерживать? Квартирой? Такие квартиру получают везде. Деньгами? Таким везде хорошо заплатят. Интересной работой? Но сегодня в стране интересной работы столько, что глаза разбегаются.

Просто и мудро сформулировал проблему знакомый мой хитроумный директор: заскучают — уедут...

И здесь духовный стимул выходит на первый план!

Нужна, просто необходима высшая школа общения — самый элитарный из гуманитарных вузов. Школа, студенты которой, помимо прочих предметов, овладевали бы психологией общения — этим сложным и тонким искусством. Школа, выпускающая специалистов, широко эрудированных, ориентирующихся в самых разных областях культуры.

Кстати, в центре Москвы есть весьма подходящее место: как раз между Большим театром, МХАТом, консерваторией и Центральным выставочным залом. Но там помещается геологоразведочный институт. А Московский институт культуры вынесен за город, на свежий воздух, на станцию Левобережная.

Ну, кто бы объяснил, почему?

То, что ряд сложных проблем, связанных с духовной жизнью стройки, пока не решен, понять можно. Но, увы, не решаются и вопросы куда более простые.

Та же Лида Бирюкова из Челнов пишет, что в городе не достать хорошую книгу. Даже в библиотеке взять нелегко. Вот тут я с ней согласен, без блатов никак. Да и с блатом, увы...

Проблема эта болевая почти для каждой стройки. Даже на Севере, в Мирном или Тикси, где книга нужна, как хлеб и тепло, меня поражала нищета книжных магазинов. А то, что лежало на полках, вызвало тягостное подозрение: уж не сбрасывает ли Книготорг в эти отдаленные края заваль, отвергнутую в других местах? Уж тут, мол, никуда не денутся, все

разберут, ведь до соседнего книжного магазина два часа лета...

О хорошем снабжении новых городов у нас заботятся немало. Не пора ли в понятие «снабжение» включить и снабжение книжное? Транспортные расходы на книгу весьма невелики. Торговые тоже: Чехов и Есенин одинаково хороши и в роскошном специализированном магазине и во временном ларьке. Если книжным заказам новостроек дать «зеленую улицу», эта проблема, непосредственно связанная с духовной жизнью стройки, может быть решена очень быстро. А что касается библиотек... Пусть их помещения в новых городах будут до поры неказисты. Но вот фундаментам их пристало быть первоклассными с первого дня!

Молодежной стройке нелегко стать землей обетованной для театралов или поклонников живописи. Но она может и должна быть Меккой книголюбов.

Костер по четвергам

Легенда? Сказка? Не знаю. Слышал от двух различных людей, так что скорее всего был. А если и легенда, то красивая.

На одну из больших сибирских строек приехала молодая учительница вместе с выпускниками, которых вела до этого несколько лет. Думаю, подозрения в поверхностной романтике следует сразу отвести. Наверное, сказалось естественное желание учителя продлить общение с уже повзрослевшими ребятами и получить драгоценную для педагога возможность: проверить жизнью результаты своего школьного труда.

Года три бывший класс не распадался. Жили компанией, хорошо и изобретательно. И, в частности, был у них такой обычай. Каждый четверг, летом ли, зимой ли, ребята зажигали костер. Пекли картошку, пели, спорили. Но, главное, к этому костру мог прийти каждый, свой ли, чужой, с любой личной заботой. Искатель истины, непризнанный талант, озлобленная личными неудачами девушка, бывший вор, решивший поправить жизнь в рамках закона, парень, не знающий, чего ему хотеть, просто человек, нуждающийся в обществе, — все имели право на свет костра, на его мягкое тепло, на печеную картошку, на злой вопрос, на честный ответ, на помощь, если она нужна и возможна.

Прекрасно понимая, что все дальнейшее легко могут стеснить одним из вариантов современной утопии, я все же рискнул поставить вопрос: а не может ли молодежная стройка, учитывая изменившийся характер рабочей силы, стать своеобразным «костром по четвергам»? То есть местом, где человек не только трудится, не только строит город или завод, но и получает возможность решить большинство своих собственных проблем.

В последние годы и десятилетия представления об очередности дел на стройках постепенно менялись. Сперва считалось: строя предприятие, надо начинать с предприятия. Затем с жилья. Затем с дорог. В порядке предложения: а что, если начинать с людей?

Сейчас происходит так. Человек приходит в отдел кадров. Ему говорят: стройке нужно то-то и то-то. Соответствуешь? Оформляйся, и вот тебе направление в общежитие. Все.

Работник состоялся. А новый житель именно этого населенного пункта? Под большим вопросом. Через месяц может уйти, назвав одну из дежурных причин.

А если сделать по-другому? Тут же, в отделе кадров, новичка спрашивать:

— А что нужно от стройки тебе? Что требуется, чтобы тебе тут было хорошо?

Давайте попробуем с уважением и пониманием отнестись к личным делам человека. Пусть каждый получит на стройке то, что ищет!

Хочет проверить себя? Пожалуйста: есть специальный отряд для трудных работ. Чем-чем, а трудностями стройка может обеспечить всех желающих.

Мечтает о квартире? С этим везде сложно. Но ведь можно честно и внятно объяснить человеку, что именно он должен сделать и на какие жертвы пойти, чтобы получить жилье в возможно короткий срок.

Увлекается легкой музыкой, хотел бы и сам играть, но не уверен, есть ли талант? Вот место в общежитии, при котором в красном уголке создан клуб любителей именно легкой музыки.

Любит читать, сам пробует писать стихи? Тогда — я другое общежитие, что рядом с библиотекой. Там свой красный уголок, свой клуб, мимо которого не проходит ни один приезжий литератор.

Хочет учиться дальше, главное для него — знания и стаж? Что ж, уважим и эту цель. Пусть человек получит работу не слишком денежную, но оставляющую время для занятий. А поселить его лучше в том квартале, где открылись или вот-вот откроются подготовительные курсы.

Приехал за «длинным рублем»? Не станем осуждать с порога, мало ли какие у человека обстоятельства... Может, влез в кооператив. Может, ему жизнь не в жизнь без водного туризма, а лодку с мотором на свалке не подберешь. Может, молодая супруга подарила сразу троих. Или, допустим, одинокий, но упорный изобретатель, решил год поработать во имя денег, чтобы потом два года работать во имя науки... Словом, нужен человеку «длинный рубль» — пусть его получит. Лишь бы это был честный рубль. Обычно только время спустя из многих бригад выделяются наиболее выносливые, надежные и жадные к работе. А нельзя ли попробовать формировать ударные бригады сразу, исходя из личных интересов людей?

И наконец, тот, кто едет за «туманом» (смысл этого понятия мы расшифровали раньше), должен получить «туман» самого высокого качества и по потребности. Жить интересно, неожиданно и просто хорошо — законное право молодого строителя. Поэтому уровень человеческих отношений, уровень общения на стройке должен быть высок с самого начала. И не обязательно для этого мраморные дворцы, хватит до поры и обычных красных уголков.

Правда, мы уже договорились, что общение — это прежде всего люди, причем очень квалифицированные и яркие. А дополнительные люди — это, естественно, дополнительные деньги. Но ведь деньги и так тратятся. Причем немалые. В тех же Челнах, например, во многих пятиэтажных общежитиях квартирного типа дежурят, сменяя друг друга, вахтеры. Круглосуточно. По четыре на подъезд. У всех входящих они отбирают паспорта и тем самым выясняют, какой мальчик пришел к какой девочке, и наоборот. Конечно, для человека любознательного эта информация не лишняя. Но, думаю, КамАЗ вполне можно построить и без нее. Да и как-то не увязывается город счастливых людей с четырьмя вахтерами на подъезд.

К тому же на всю эту бдительность уходят солидные средства. Надоер не за общежитием, а за одним только подъездом обходится в двести сорок целковых! А ведь это месячная зарплата первоклассного актера, талантливого режиссера, искусного музыканта, искусствоведа со степенью, тренера высокой квалификации. А руководители студенческих театров и любительских киностудий, известных на всю страну, получают вдвое меньше.

Круглосуточный вахтер — это пассивная оборона, почти глухая защита, направленная на то, чтобы разрушить козни мелких хулиганов и настоячивых влюбленных. Но, может, стоит переместить средства в сферу духовного содействия? Конкретно: отпустить на более интересную работу вахтеров хотя бы из нескольких общежитий и на освободившиеся деньги пригласить сильную группу молодых творческих работников. А уж с их помощью попытаться организовать молодежь и создать на стройке такую атмосферу, при которой хулиганство выглядело бы занятием на редкость неинтересным, а влюбленные выучились бы определять свои отношения и без бдительного содействия вахтера...

Как-то в Челнах знакомый градостроитель показал мне эскиз школы и спросил:

— Красиво?

Я восхитился:

— Красиво!

— Так вот, в натуре будет хуже, — успокоил он. — Видишь, тут нарисовано дерево, тут газон, а тут клумба. Нарисованы-то они нарисованы, но не заложены в проект...

Когда мы представляем себе будущую стройку, мы «рисует» не только высокую культуру строительства, но и достаточно интересную, насыщенную жизнь работающей молодежи. Потом же часто забываем, что дерево не вырастет само, клумба сама собой тоже не появится, а жизнь молодежи на стройке не станет автоматически интересной и насыщенной.

Думается, мастеров общения, специалистов по свободному времени подбирать следует так же строго и целенаправленно, как и механиков, энергетиков, монтажников или снабженцев. Духовную жизнь стройки тоже надо закладывать в проект!

Костру по четвергам требуются надежные костровые.

Жемчужины
отечественной
культуры

ШЕСНЯ

**«ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ» —
НОВАЯ РУБРИКА «СМЕНИ».**

**В МАТЕРИАЛАХ ЭТОЙ СЕРИИ
ЧИТАТЕЛЬ ПОЗНАКОМИТСЯ
С ПАМЯТНИКАМИ ПРОШЛОГО,
УВИДИТ ПОДЛИННЫЕ ЦЕННОСТИ,
НАКОПЛЕННЫЕ НАРОДОМ
НА ПРОТЯЖЕНИИ ДОЛГИХ ВЕКОВ,
СМОЖЕТ ВНИКНУТЬ
В ТВОРЧЕСКУЮ ЛАБОРАТОРИЮ
ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ ОТЕЧЕСТВА,
ОСТАВИВШИХ ПОСЛЕ СЕБЯ
РУКОТВОРНОЕ ДИВО.**

**ФОТОРЕПОРТЕРЫ И ПУБЛИЦИСТЫ «СМЕНИ»
ПОБЫВАЮТ У МЕМОРИАЛОВ И В МУЗЕЯХ,
В САМЫХ ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ МЕСТАХ,
ЧТОБЫ ЕЩЕ РАЗ
НАПОМНИТЬ ЧИТАТЕЛЮ О ТОМ,
КАК НЕИСЧЕРПАЕМО ПРЕКРАСНА
ИСТОРИЯ РОДИНЫ, КАК ВЕЛИКИ
ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ НАРОДА
И КАК ЭТО ОТВЕТСТВЕННО —
БЫТЬ НАСЛЕДНИКАМИ И ХРАНИТЕЛЯМИ
БЕЗГРАНИЧНЫХ БОГАТСТВ НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ.**

СНЕЖИРА

Алексей НИКОЛАЕВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
Специальные
корреспонденты «Смены».

ПОД ВЕЧНЫМ НЕБОМ.

ЗАПОВЕДНИК — РАЗДОЛЬЕ ДЛЯ
ХУДОЖНИКОВ.

ЛАБИРИНТ ВЕКОВ.

В РУКАХ УМЕЛЬЦА.

А

ет пять назад после долгих блужданий по нашему северному краю — по большим его рекам и малым притокам, глухим суземам и светлым, сухим борам, мшистым, с россыпями морошки и клюквы болотам, по набитым лесовозным дорогам, а где непролазными толями, по пустынным, забытым деревенькам и старинным селам, хранившим лик давних веков, — случилось мне выйти на твердый асфальт шоссе, что идет правым берегом Северной Двины к центру этого края — Архангельску.

От верстового столба с цифрой «25» тянулась по обе стороны шоссе деревня с привычным для здешних мест именем Малые Корелы. Тут надо было садиться мне в автобус и катить прямо к вокзалу. Оглядевшись — времени вдоволь, и, оставив рюкзак с дорожными свонми пожитками в ближайшей избе, перешел я дорогу, поднялся грибной тропинкой на лесистый угор, а там обернулся в сторону Двины.

Сквозь серенькую пелену пасмурного, безветренного дня невыразимым светом — точно угольки сквозь золу — светили осенние леса. Березы, осины, рябина с ольхой и даже тополь стояли под вымахавшими в облака прямыми соснами, наливались

лимонным, красным, оранжевым, золотистым цветом и, роняя яркие и пестрые листья на темные до густой снєвы лапы елей, справляли свой тихий осенний карнавал.

Однако не мерцающие краски осени заставили меня пристально вглядываться в окрестности. Здесь было другое чувство — узнавания. В этом уголке северной земли, под самым боком у областного центра, увидел я вдруг весь исхоженный мной не в одну осень край. Лесистые холмы, пойменные луга, болота в низинах, пересыхающая в межень речка Корелка и пинежские, мезенские, онежские, каргопольские, поморские дали и сама могучая кормилица севера Двина — все было здесь. И нужно было, подумал я тогда, проехать, проплыть, прошагать вдоль и поперек весь огромный северный край, всякий раз поражаясь разнообразию его ликов, чтобы в одной капле — небольшом кусочке земли под Архангельском — увидеть отраженными все его лики.

Это было пять лет назад, а прошедшей осенью дела снова забросили меня в этот край. Стоял такой же пасмурный, серенький день, как в ту осень. Из автобуса я вышел у того же верстового столба с цифрой «25» и той же табличкой «д. М. Корелы», огляделся — и не узнал места.

Здесь, на просторном двинском

Аннаберды АГАБАЕВ,
лауреат премии комсомола
Туркмени.

МИНУТЫ ХАТЫНИ

Аннаберды Агабаев дебютировал в нашем журнале в 1967 году антивоенной поэмой «Черное эхо», которая была отмечена премией «Смены» за лучшее поэтическое произведение года. За эту же поэму Агабаев был удостоен премии Ленинского комсомола Туркмени.

В этом номере мы предлагаем читателям журнала его новую поэму.

берегу, вобравшем черты всего северного края, вырос не новый поселок или даже город (к подобным метаморфозам мы уже стали привыкать), а как бы воздвиглась Северная Русь — целый пласт ожившей отечественной истории. Об этом прежде всего свидетельствовал большой щит возле старинных решетчатых ворот, на котором изящной славянской вязью было выведено: «Музей-заповедник русского деревянного зодчества «Малые Корелы».

Эка невидаль — музей под открытым небом, скажет искушенный читатель, отлично знающий к тому же, что началось все еще с подмосковного (тогда) села Коломенского, потом была прогремевшая слава Кижей, Костромской заповедник, Псковский, Новгородский и еще добрых два десятка создающихся и действующих в одной только Российской Федерации. Ну что ж, еще один — Архангельский. И все-таки невидаль, невидаль, дорогой читатель. Такого размаха и широты, с которыми задуман и начал жить музей архангельский, никто из нас еще не видел.

Две цифры скажут за себя. Сто с лишним гектаров заповедной земли — гигантская территория, которую по нынешним понятиям непривычно как-то замкнуть в рамки музея. А около ста памятников старинной деревянной архитектуры, многие из которых

бережно, по бревнышку разобраны специалистами за сотни верст отсюда, потом по воде, на санях, машинах, с помощью вертолетов уже доставлены на территорию музея, снова по бревнышку сложены, тщательно реставрированы и получили гарантию долгой жизни!! Не говорит ли это о том, что мы имеем дело с событием огромного культурного значения! Впрочем, нам самим предстоит в этом убедиться, едва отворим мы решетчатые ворота и ступим за старинную, словно вросшую в землю ограду. Ступим — как в историю.

Уже первые шаги по заповедной этой земле, с обилием и разнообразием памятников властно ведут нас в те времена, когда вся Русь — от Белого до Черного моря — была деревянной. Из дерева еще до летописных времен возводились на ее землях крепости и соборы, княжеские терема и крестьянские избы, монастыри, остроги, мельницы, амбары, мосты. И, возможно, память об этом дошла бы до нас только изустная, не сыграв тут свою решающую роль русский Север, потому что редели леса с юга, горели, палимые иноземными набегами, города и села. Так от века к веку отступала деревянная Русь к северным своим пределам, к таежным рекам, к беломорскому берегу, укрывая себя и дело рук своих от иноземного лиха за хмурым суземом и непролазным топями. Здесь

берегла она с великим тщанием самотытные строительные традиции, восходящие еще к языческим временам, строилась по-старому, умножая до совершенства мастерство «вольшебной музыки дерева».

А позже, когда пошли из столиц запреты на старое и приказы строить по-новому, за тем же кордоном глухих лесов отсиживались северные мужички от царского гнева и патриаршего ока, строили себе потихоньку, храня заветы и приемы далеких предков. Так, сквозь века гонений и запретов и докатилась до наших времен неослабевшая волна древнего русского зодчества. И уже в XIX веке стал русский Север живым музеем, куда устремились первые доброхоты, желая понять, увидеть, что есть Русь старая. И не ошиблись: ждали их тут в обилии золотые россыпи русской культуры, своеобразной, ни от кого напрокат не взятой. Насмотрелись, поняли, бережно уложили в тома истории. Здесь вот, в бревенчатых срубках северных крестьянских изб, а не на берегах Днепра записали они былинны, родившиеся некогда в Киевской Руси, утерянные в лихолетьях истории и отыскавшиеся в народной памяти северян.

Но не большим ли даром одарил нас русский Север, сохранив поразительные памятники материнской культуры, которых не заменят нам

Камень черный,
Камень белый.
Кончился асфальт,
Из села не будет беглых —
«Хальт!».
Партизанскую кормушку —
На мушку!
...В небо, в небо
Вы развейте
Той деревни прах!
Скот и женщин
Не жалеете,
Не щадите птах,
Над округою посеете
Страх!
...«Айн-цвай, айн-цвай,
Генрих, выдай марш!
К той деревне,
К той деревне
Бегом марш!»
...По губам прошлась гармошка,
Взвизгнув, как пила,
Над лесами, над сторожкой
На краю села.
... — Керосинщик, керосинщик,
Керосин готов!
— Го-тов!
— Факельщик, факельщик,
Факелы готовы!
— Го-то-вы!
...Выжигай славянства семя,
«С нами бог!»,
Сотрясает, рубит землю
Кованый сапог!

1

Камень белый, камень черный —
Бьются друг о друга.
Чубчик белый, чубчик темный —
Нет теснее круга.
В «пятикамушки» играют
Дети на полу,
Камни есть, а хлеба нету,
Чтоб подать к столу...
«Пятикамушки» — на завтрак,
На обед,
На ужин,
Поясок на одежонке
Затяни потуже.
Наклоняются головки
К полу низко-низко,
Чтоб не видеть
Стол холодный
Да пустые миски.
Камень гладкий,
Камень сладкий —
Бьются друг о дружку,
Кружит камень по всей хате,
По ладошкам кружит.
Каждый думает: играя,
Выставлю ладошку
И не камушек поймаю —
Хлеб или картошку.

2

Спит село, в сугробах скрывшись,
Ветер гонит сена клоки,
Черный дым свисает с крыши,
Словно траурный платок.
Не прокличет качет ранний,
И коровы не мычат,
Только слышно, в хате крайней
Камушки стучат.

3

Камень белый, камень черный.
«С нами бог!»
Над землей зловец и четок
Звон сапог!

4

...Ты усни, моя сестричка,
Девочка Хатыни,
Пусть струится на реснички
Свет небесной сини
И восходит над тобой
Месяц золотой!
Засылай же, золотая,
Прижимайся к маме,
Не гляди, как волчья стая
Клацает зубами.
Не гляди ты, сдвинув брови,
На зверей, сестричка,
В их глазах — привычка к крови,

теперь никакие летописные и книжные свидетельства!

Как не подивиться, глядя на деревянную колокольню XVII века, перевезенную в музей из двинского села с загадочным именем Кулига Дракванова! Стоит она теперь на высоком месте, по-древнему опираясь на могучие камни. Приземистый, всего в восемь венцов, четверик, как постамент, держит на себе уходящее ввысь мощное тело восьмерика — чудо плотницкого искусства. Четкие, ясные ритмы простого бревенчатого сруба, сама живая текстура дерева одухотворены какой-то мужественной, спокойной монументальностью, первозданной богатырской силой. В верхних своих венцах восьмерик раздается вширь и, словно на развернутых плечах, держит на себе звонницу и могучий, боевым шелоном венчаный шатер. Да полно! Колокольня ли это! По всем статьям башня вежевая [от «ведать», «наблюдать»]. Не с таких ли скиклили Русь к топору! Сила, мощь, неприсутность! Так и веет от нее свободолобивым духом несломленного Авакума Петрова!..

Ныне башня-колокольня, точно от веку поставленная на этой земле и словно вдохнувшая в себя духовную мощь народа, стала своеобразным символом музея. И отнюдь не случайно: она как увертюра, в которой звучат темы всего произведения.

Этим можно было бы и закончить

Убивать — привычка!
Засыпай, усни, сестричка,
Цветик полевой,
Пусть последний раз приснится
Сон хороший твой.
Пусть приснится над садами
Дождик голубой,
Скоро месяц зарыдает
Над тобой!

5

Словно молния сверкнула
Посреди Земли,
То в Хатыни деревянной
Спичку зажгли!

6

Разомкнись, завеса сроков,
Возврати года,
Над Хатыню прежним оком
Засветись, звезда!
Зашуми, как в сорок третьем,
Белорусский лес,
Отряхни с замерзших веток
Вешний звон небес.
Загорлань, петух речистый,
Подними, собака, лай,
Эй, сестричка, шторы в окнах
Раздвигай!
Эй, подсолнух, выгни стебель,
К солнцу развернись,
Пусть опять заголубеет
Над тобою высь!
Повторись, Хатынь, Сегодня,
Прежняя, до Марта,
Повторись, Хатынь, свободной,
С песнями, домами.
Повторись, Хатынь, до пекла,
Стройная, прямая,
Повторись, Хатынь, до пепла,
Из легенд вставая.
Повторись, не покоряясь
Злу небытия,
Повторись, как, повторяясь,
Кровь кипит моя!

...У Совести Мира, у всех на виду
Я к горсткам кричащего пепла иду,
Иду, чтоб сгоревшие веки открыть,
Иду, чтоб сестричку мою разбудить!
Иду, мое имя — Шекспир и Гомер,
Иду, мое имя — Фраги, Алишер,
Иду, мое имя — Эйнштейн и Толстой,
Сестричка, ты где, стебелек золотой!
Дай голос услышать — лесной ручеек,
В ромашках стихающий твой топоток.
Дай взять тебя на руки, яблоком
взять,

У белых березок с тобой постоять,
Увидеть, как крохотной ручкой своей
Ты машешь летящему клину гусей...

7

Ни старика, ни парня, ни ребенка,
Ни петуха, ни кошки, ни телянка,
Ни хаты, ни заборного крючка,
Ни мухи, ни запечного сверчка,
Только ОН,
Мозг сотрясающий
Гневом,
Проклятьем,
Плачем раскаленный
ЗВОН!!!
Звон, звон, звон...
Белый камень, черный камень —
Звон!
Белый мрамор, черный мрамор —
Звон!
«Читайте камень, читайте камень!» —
Звон!
Для высечения искры веками —
Служил он!
Разбейте камень, дайте малышу
Звон!
В «пятикамушки» пусть поиграет
Он!

8

В Хатыни, над горькою памятью
павших,
В Хатыни, слезами и пеплом
пропахшей,

В Хатыни, большой и молчащей, как
пашня,
Где птицы, и те тишины не спугнут,
Он надвое колет пространство минут,
Внезапный и тяжкий, похожий на стон,
Хатынский, сердца прожигающий
звон.

Живая минута — на две половины,
И надвое — небо, моря и долины,
И надвое рвется Зеленый Листок,
И надвое — строки и смысл между
строк.

Он надвое делит и Жизнь, и Борьбу,
Надежды и Цели, Мечты и Судьбу...
Так было всегда

И осталось донине.
А тем, кому кажется грубым,
Жестоким деление это,
Вот мой ответ —
Как нет на земле Хатыни,
Так и третьей доли в Минуте нет!

9

Минутой измерен и ей подчинен
И первый наш крик,
И последний наш стон.
— Скажи, ты в какой половине
Минуты,

В какой половине
Какого Маршрута!
В какой половине
Земли и Эфира,
В какой половине
Контрастного Мира!..

10

Взрывай и взрываись,
Тревожный, как стон,
Святые — Хатыни
Взывающий звон!

Перевел с туркменского
Василий ШАБАНОВ.

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

рассказ об уникальном памятнике, но нельзя не сказать вот о чем. Кому довелось видеть колокольню несколько лет назад не в ограде заповедника, как теперь, а на окраине Кулиги Драковановой, испытывает здесь особое чувство. Стояла она там, осевшая на один бок, с подгнившими венцами, прохудившимся шатром, дожидая последние свои весны и осени... Спасли. Будет жить.

А ведь среди множества экспонатов музея не одинок в своей судьбе этот спасенный памятник. Прежде в поездках и хождениях по Северу с горечью видел я запустение старинных. В глухих местах, теперь заброшенных, куда дороги не проложены, а тропинки давно заросли без надобности и куда, используя все виды здешних «перекладных», забрести под силу разве что неумемному охотнику, стоит, взметнувшись к небу, шатровое чудо. Увидев его с горы, приближаешься, как к чуду, дивясь красоте места, которое угадал для него безвестный строитель, изыскавший чистоту линий, четко рисующемуся на фоне неба силуэту, поразительно чужью пропорций. Ни дать ни взять — сказка во плоти!.. Подходишь ближе, и радостное чувство сменяется горечью неизбежной утраты, — время и отдаленность не пощадили памятника, который мог бы составить честь любому народу. Подгнили, порушились нижние венцы

мощных — в два обхвата — бревен, да и повыше, у пустых проемов, зияют пробойны, свистят в них северный сырой ветер, расшатывая ветшающее здание; словно осаду долгих веков выдержали эти стены. И, как чудо, целехонек стоит только под серебристым лемехом шатер.

Таким, забравшись в глухой двинский край, увидел я несколько лет назад знаменитый памятник XVII века — шатровую церковь в селе Вершина. Рублена она была по древнейшему типу — восьмериком от самого основания, каким был — летописной памяти — знаменитый Устюжский собор. Его в незапамятные времена прибрал пожар, эту не пощадило время. Уходя тогда из Вершины, прощаясь с памятником, уверен был, что навсегда. Жаль, горько, конечно, но дерево не камень, отвековал памятник свой срок...

А ведь ошибся: встретилась! Здесь, в Малых Корелах. Не узнал. Стоит на просторном месте, новенькая, с залеченными искусной рукой ранами и — что это! — с нарядным «теремным» крыльцом и веселой галерей-гульбищем, которых в нынешнем веке уж никто у нас не выдумал. Реконструировал и воспроизвел их по обмерам и старым зарисовкам (представляете работу!) архангельский архитектор Владимир Александрович Суслин. Глядишь теперь на возрожден-

ный из праха уникальный памятник — и кажется, будто пришел сам безвестный строитель, повторил свое творение и поставил его здесь, среди брусничных и грибных полянок, на берегу широкой Двины.

Могло же быть иначе. Год, два, ну три от силы — и не выдержал бы памятник груза времени, остался бы только в архитектурных каталогах. Да только ли время — враг неповторимых этих ценностей! Совсем еще недавно, когда о заповеднике такого размаха в этих краях и не мечталось, сколько раз приходилось слышать на Севере, что вот, мол, стояла тут большая старинная башня, с которой Петр обозревал окрестности, да сгорела летошний гад от молнии. Поздно теперь оплакивать знаменитую Анхимовскую церковь, младшую сестру Кижской, или Турчасовский архитектурный ансамбль на Онеге, сгоревший дотла в сильную летнюю грозу. «Пусть на этом замкнется печальный список утрат», — решили создатели музея и начали свозить на охранную заповедную землю все, что должно быть сохранено. А это — баснословное и многоликое богатство нашей отечественной культуры, потому что не одними лишь древними храмами знаменито народное зодчество русского Севера. О поморских, двинских, мезенских, пинежских древодельцах ходили легенды. Не случайно же этих мужичков-плотников, чье

богатство составляли порты, рубаха да золотой топор в золотых руках, призывали в Москву хоромы рубить и наставлять в искусстве царских мастеров. Отдавала им дань (а куда денешься!) и просвещенная гордая Европа. Ученый француз, видевший в XVI веке, как строили двинские мужики деревянные укрепления под Архангельском, писал: «...постройки из бревен превосходны. Нет ни гвоздей, ни крючьев, но все так хорошо отделано, что нечего похвалить, хотя у строителей русских все орудия состоят в одних топорах, но ни один архитектор не делает лучше».

Похвала заслуженная тем более, что знаем мы теперь: вся история края, в больших ее и малых событиях, говорит о том, что дерево и топор были от века основой быта северного крестьянина. Именно такое представление о его жизни дает нам умная и тонкая экспозиция музея, ибо специальный архитектурный музей неожиданно для многих широко раздвинул свои границы, вводя нас в историю, этнографию, образ жизни наших предков.

Вот почему с таким волнением и трепетом показывают нам здесь святая святых — жилище крестьянина, северную избу. Дело в том, что нигде, ни в каких иных постройках с такой обильной полнотой не выразил он себя, свой дух и нрав.

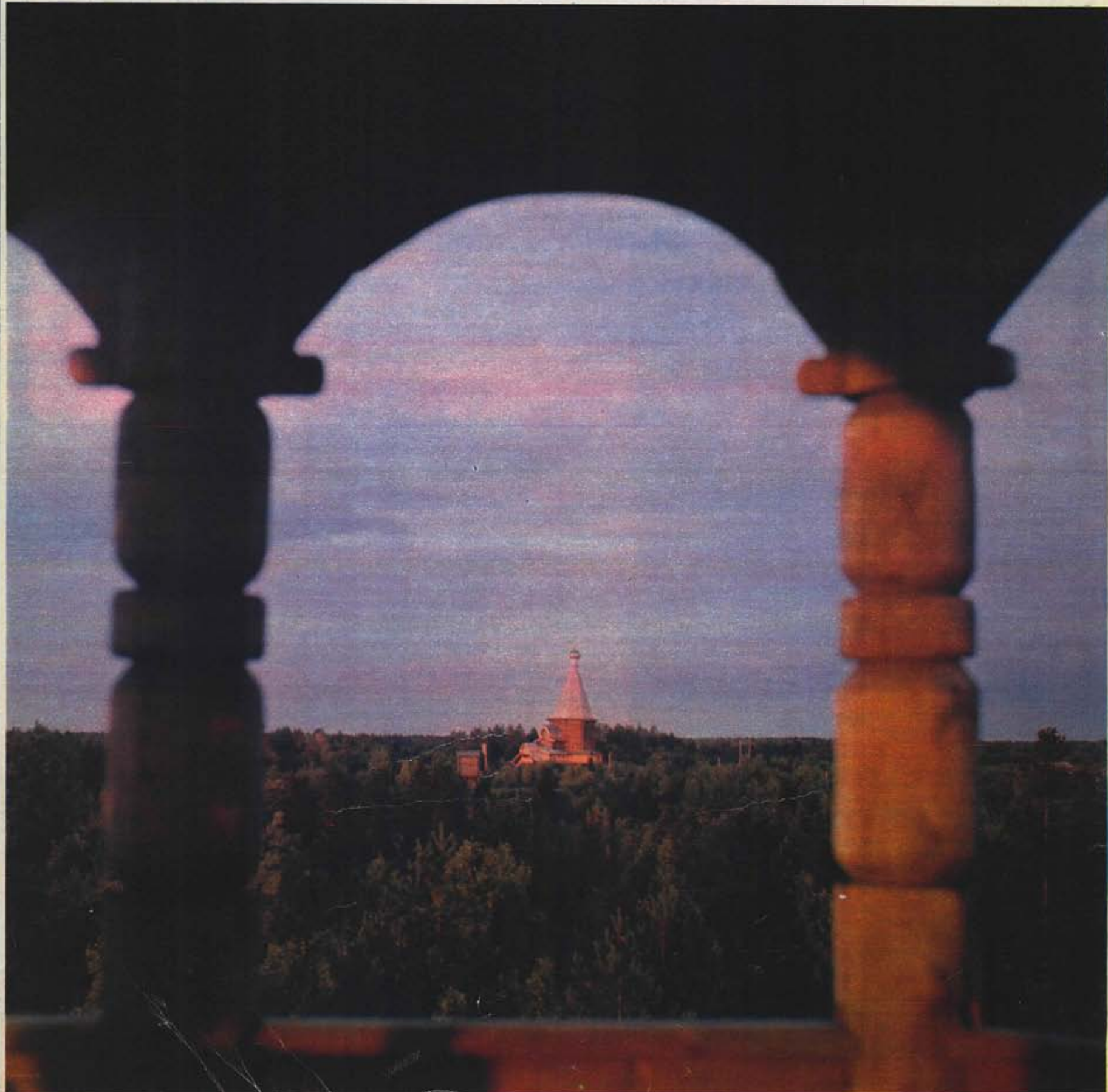
Широко, свободно, размахисто строили на Севере. И то сказать — лесу бери, сколько душа и нужда просит, руки — свои, не занимать. Но только ли в этом дело? Не вспомним ли мы и других мест старой России, лесом не обиженных и умелыми плотниками не обделенных? А что-то не вдать было в иных землях крепостной России такой шири и свободы народного зодчества, чтобы в каждой избе ощущалось такое высокое сознание человеческого достоинства. Да дело-то ведь в том, что наш северный крестьянин ни своему, ни чужому барину не кланялся и спины на них не гнул. Помещика сюда калачом не заманишь, заморский недруг в болотах завязнет, до царя, слава богу, далеко. Вот и вышло, что таланту его, фантазии никто преград не городил. И ставили тут издавна дома-крепости, хоромины себе на радость, людям на удивление — вольно, широко, с удалью, не прятали их за бугорками да кустиками, высоко под-

нимали над землей, чтобы издали видна была изба.

Посмотришь сегодня на старинную избу, перевезенную в заповедник с Мезени, красота красотой, но откуда же такое высокое инженерное мышление бралось у простого мужика! Как практичен и целесообразен он был во всем, начиная от сруба до самого малого украшения на причелине! Ставил избу то «брусом», то «глаголем», то «кошелем», рубил сруб «в обло» или «в лапу». Но ведь все это без проектов и чертежей — «как мера и красота скажут». Потому, должно быть, не встретишь тут избы, похожей одна на другую, в каждой живет фантазия хозяина-строите-

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КУРНОЙ ИЗБЫ — ДЕЛО ТОНКОЕ.

ВИД С ГАЛЕРЕЙ XVII ВЕКА.

ля, его художественное чутье. Один только принцип выдерживали из века в век практичные северяне — жилье и все хозяйственные постройки рубить под одной кровлей. Причину же этому правилу отгадать недолго — климат. Морозы, метели, снежные заносы по самые окна, а под единой крышей можно, по многу дней не выходя из дому, и скотину кормить, и дрова рубить, и ребятишек купать, и делать все иные хозяйственные работы. Худо ль!

Но как бы ни был практичен северный строитель, каких бы хитроумных новаций не вносил он веками в мудрые свои сооружения, практик никогда не заслонял в нем тонкого и чуткого художника. Не могу назвать другого примера, где с такой же полнотой, как у наших зодчих-северян, проявилось единство эстетики и рациональности. Не найдете вы, как ни

старайтесь, в северной избе ни единой случайной детали, — строитель ничего здесь не делал попусту, потехи ради, как и говорить не любит он ради красного словца. Вот, войдя в дом, с удивлением замечаете вы, что углы в избе закругленные. Красиво! Оригинально! Конечно. Но все это неспроста. Когда сруб бывал уже готов, плотник брал топор с кривой ручкой и скруглял углы — не людей удивить и себя показать, а потому что вековой опыт научил его: такие углы не промерзают зимой и не отсыревают весной и осенью, а мыть их несравненно легче. Польза и красота идут об руку.

Чутьем же художественным и вкусом отменным природа обильно одарила северного крестьянина. Взгляните хотя бы, как умно и умело «обмозгован» декоративный убор избы. Огромный, из могучих бревен сруб

АТРИБУТЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

РЕСТАВРАЦИЯ ИЛИ ВОССТАНОВЛЕНИЕ?

остался бы холоден и мертв, не отени его строитель маленькими расписными наличниками, ажурной резьбой причелин, резными «полотенцами», которые свисают с кровель и бросают живую, трепетную светотень на мощные венцы сруба, воплощая простое дерево в завершенный архитектурный образ.

В неподражаемом «чувстве дерева», в понимании художественной его природы, души, если хотите, не найти равного нашему северному плотнику. Постигая эти качества, не только приобретаешь к высокому искусству, но и проникаешь в самые тайны народного творчества. Тебе становятся понятными художественные задачи, которые всякий раз ставит перед собой мастер, и всякий раз ты не перестаешь удивляться мудрости решений. [Что говорить — не каждый музей может похвастаться такой степенью доходчивости.] Вот, например, ставит плотник к высокому своему дому крыльцо, решая поместить всю ажурную конструкцию на одном могучем — в два обхвата — столбе. Обтесывает его волшебным своим топором с поразительной виртуозностью, расчленяет на фигурные объемы, придавая пластическую завершенность, но пока какого-то неуловимого штриха недостает для полной гармонии, потому что сам столб мощью своей как бы извергает из себя тектонические земные силы и, подчиняя необузданным этим силам природы все элементы конструкции, подавляет их. Но вот мастер взял и перепоясал могучий столб [в единственно нужном месте] тоненьким рез-

ным пояском узора — и укротил дерево, обуздал его, как ирровистого коня!..

Ну, а коли вышла у нас с вами речь о конях, тут у северного мастера своя особая стихия. Какая же изба без конька на кровле! Не зря же поэт «золотой бревенчатой избы» Сергей Есенин, как никто умевший почувствовать удалую мужицкую стихию, писал: «Конь как в греческой, египетской, римской, так и в русской мифологии есть знак устремления, но только один русский мужик догадался посадить его к себе на крышу, уподобляя свою хату под ним колеснице...»

Так кому, как не нам, беречь теперь это богатство отечественной истории и культуры! Жалеть ли труды и немалые средства, требующиеся, чтобы свозить, лечить и ставить в охранное заповедное место все дорогое и неповторимое, чего не успело погубить время!

Казалось бы, не может тут быть двух мнений — слишком очевидна польза [тому свидетельством деятельность музея], а примеры гибели редчайших памятников от пожаров и иных причин — увы! — велики. А вот не кончен еще спор: можем ли мы вырывать памятник из естественного его окружения, где задумал и поставил его мастер! Не считая, однако, себя вправе вмешиваться в спор научного характера, предоставим слово одному из инициаторов музеев под открытым небом, архитектору Алексею Владимировичу Ополовникову: «Как бы ни велика и тяжела была потеря подлинной среды памятника, она никогда не может быть больше потери самого памятника».

Об этом доводе специалиста судить читателю. Но нам кажется, так успешно начавшаяся деятельность музея-заповедника в Малых Корелах весьма недвусмысленно ответила на этот вопрос.

В течение двух недель проходил в Москве IX международный кинофестиваль. Две недели фестиваля — это около четырехсот картин, показанных на трех его конкурсах — художественных, короткометражных и детских фильмов, а также на внеконкурсных просмотрах.

В белом прямоугольнике экрана в эти дни отразился весь многоцветный мир, освещенный талантом художников, творящих под благородным девизом «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами».

Один из главных призов был присужден картине «Земля обетованная»

режиссер должен любить своих героев. Как вы относитесь к главным персонажам «Земли обетованной», в которых жажда наживы убивает все человеческое?

А. Вайда. Артист, как мне кажется, не имеет права не любить, заранее перечеркивать своих героев. В то же время писатель, режиссер, актер обязаны задуматься, почему их герои не могут стать хорошими людьми. В «Земле обетованной» характеры персонажей в значительнейшей степени обусловлены временем, в котором они живут. Капиталистическая общественная система заставляет их быть злыми, ненавидеть друг друга, шагать по трупам. Я выступаю против этой системы, уродующей человека,

А. Михалков-Кончаловский. Слова Вайды об отношении к героям — это в принципе константа. Илья Эренбург сказал когда-то, что капитализм — это вовсе не то общество, где все люди плохие. Это общество, где даже хорошие люди вынуждены совершать плохие поступки. И, насколько я понял, Вайда как раз и хотел показать это страшное общество, где искажены все этические критерии и где человек теряет человеческий облик. Если он мирится с социальной несправедливостью и, более того, если он становится ее апологетом, как это произошло с основными персонажами «Земли обетованной».

«Смена». В юности вы были связанным отрядом варшавских повстанцев.

дарчука «Они сражались за Родину». Я следил за Шукшиным-солдатом и вдруг подумал, что я это знаю, я это видел собственными глазами... Шукшин играет солдата, которому стыдно, что он отступает. Он словно бы все время говорит себе: это не моя вина, что я отступаю, — но чувство стыда преследует его.

Артист играет это так точно, что я сразу вспомнил тридцать девятый год и польские солдаты, которые вот так же отступали под ударами немцев. Помню такой эпизод. Очень высоко летел немецкий самолет. А по дороге двигались толпы людей — военные, гражданские, все... Рядом с нами шел солдат, который, как мне теперь кажется, был очень похож на героя, сыгранного Шукшиным. И этот солдат вдруг сорвал с плеча карабин и выстрелил в явно неуязвимый для его пули самолет. Он выстрелил и неловко так огляделся вокруг... Все, конечно, на него посмотрели. А он страшно застыдился, что выстрелил в самолет из такого бесполезного оружия. Он почувствовал себя глупо, вскинул на плечо карабин и был в этот момент совсем как Шукшин. У него было точно такое лицо...

Среди моих знакомых есть люди, отличающиеся упорным и пылким характером. И мне нетрудно представить их в роли героев «Земли обетованной», представить, как они вели бы себя в те далекие времена.

Чтобы заниматься искусством, необходимо воображение. Если оно есть, можно ставить любые картины. В противном случае творчество художника было бы замкнуто в жесткие рамки собственного опыта... Шекспир всю жизнь прожил в Стратфорде, не был ни в Дании, ни в Венеции, но он создал и Гамлета и Ромео...

А. Михалков-Кончаловский. Каждый художник живет в стране фантазии. Последний фильм Вайды — тоже создание фантазии. На мой взгляд, режиссер здесь не столько дает картину условий жизни лодзинских ткачей, сколько в образе притчи показывает бесчеловечность капиталистического мира. Эта лента решена в форме фантазмагории, далекой от скрупулезной фактографичности.

«Смена». Не кажется ли вам, что поток информации ослабляет в современном человеке способность фантазировать?

А. Вайда. Наше воображение действительно беднее, чем нам хотелось бы. Но вызвано ли это большим количеством информации? Вряд ли. Я, например, всегда испытываю недостаток информации. Мне кажется, я плохо знаю историю, литературу, актеров... К сожалению, наша жизнь проходит в вечной спешке. Из-за этого в чем-то теряешь себя, свое отношение к миру, начинаешь повторяться. Но избыток информации здесь ни при чем. Причину, возможно, следует искать в перегрузке ненужной информацией, обыденностью.

А. Михалков-Кончаловский. Нужно, видимо, развить в себе способность брать и использовать только ту информацию, которая пробуждает твою фантазию, а не подавляет ее ворохом ненужных и неинтересных тебе фактов.

«Смена». Как вы относитесь к молодежи? Волнует ли вас ее отношение к вашему творчеству?

А. Вайда. Да, да! Молодежь необычайно восприимчива к киноискусству, она наш основной зритель. А для меня нет ничего более печального, чем фильм, идущий при пустом зале. Кроме всего прочего, молодежь всегда проявляет жадный интерес ко всему новому, живому... Невозможно понять, куда идет мир, не понимая се-

строгий час ВЫБОРА

**Анджей ВАЙДА,
Андрей
МИХАЛКОВ-
КОНЧАЛОВСКИЙ**

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ IX МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ, ПРОХОДИВШЕГО ПОД ДЕВИЗОМ «ЗА ГУМАНИЗМ КИНОИСКУССТВА, ЗА МИР И ДРУЖБУ МЕЖДУ НАРОДАМИ».

(Польша), поставленной Анджеем Вайдой. Разумеется, мир любого большого мастера не может быть исчерпан тем или иным удачным или неудачным фильмом. Но каждая новая его лента позволяет нам увидеть еще одну грань этого постоянно меняющегося мира, в котором все время рождаются новые замыслы, новые образы. И нам, конечно же, хочется услышать голос самого художника, узнать, какие проблемы его волнуют, каковы его представления о сложном и не всегда поддающемся расшифровке процессе создания кино.

Мы предлагаем читателям беседу корреспондента «Смены» с Анджеем Вайдой, прокомментированную известным советским кинорежиссером Андреем Михалковым-Кончаловским.

«Смена». Вы не раз говорили, что

а не против некоего изначального зла, воплощенного в отдельных людях.

Разумеется, не всегда удается сделать все, что хочешь. Я, например, хотел каким-то образом включить в фильм фрагменты из «Коммунистического манифеста» Маркса. Я думал о «Манифесте» не только как о чисто теоретическом произведении, но и как о литературном, ибо написан он истинно по-журналистски, энергично, атакующе... Мне представлялось, что «Манифест» будет хорошо гармонировать с книгой Реймонта, по которой снят фильм. Такое соединение придало бы ленте о провинциальной Лодзи мировой масштаб. К сожалению, мне не удалось найти форму, в которой такой синтез мог бы существовать на экране.

И в таких известных ваших фильмах, как «Канал», «Пепел и алмаз», чувствуется эмоциональная атмосфера вашей биографии. А «Земля обетованная» — это совсем другая эпоха, никак не связанная с вашим личным опытом...

А. Вайда. Да, я этого времени не знаю. Хотя я и очень старый режиссер, но, по счастью, все же не настолько, чтобы быть очевидцем событий конца XIX века...

Режиссер должен обладать воображением, уметь представлять себе не только то, что видел собственными глазами. Действительность же, которая меня окружает, позволяет мне понять то, что происходило когда-то, где-то, чему я не мог быть свидетелем. Вот пример, чтобы меня было легче понять. Я был восхищен тем, как играет Шукшин в фильме Бон-

годных молодых. Герои моих фильмов почти всегда молодые люди. С их помощью я обращаюсь к молодежи.

А. Михалков-Кончаловский. Я помню, как мы с Анджеем отправились в клуб польских студентов-физиков «Квант», где должно было состояться обсуждение моего фильма «Романс о влюбленных». Меня предупредили, что студенты — очень резкие люди. Поэтому я попросил Вайду, чтобы он, признанный и уважаемый мастер, представил меня им.

Вайда согласился, но сказал: «Я, конечно, пойду с тобой с удовольствием. Но не знаю, смогу ли помочь. У меня с ними только что такая драка была по поводу моей собственной картины...»

Когда мы пришли, я обратился к залу: «Дорогие ребята, я знаю, вы люди зубастые, и поэтому решил позвать на помощь Вайду...» Не успел договорить — в зале хохот. И я понял, что действительно Вайда мне вряд ли поможет.

Обсуждение было чрезвычайно бурным, жестким, я бы даже сказал, жестоким. И потому очигающим. Когда аудитория хорошо подготовлена, люди понимают, что такое кино и резко не согласны с художником, в данном случае со мной, — это ему всегда полезно. Были очень резкие, порой обидные вопросы. Молодые люди, которые их задавали, выглядели очень рассерженными. Не скрою, мне все же было приятно, что они так возбуждены. Значит, фильм задел их...

Анджею тоже было трудно. Стоило ему что-либо сказать, как студенты мгновенно наносили контрудары. А мне кто-то бросил: «Какое вы имеете право делать фильмы о молодежи, если вам 38 лет? Вы можете говорить только о своем поколении!»

Что ж, молодежи во все времена была свойственна категоричность мнений, были свойственны крайности. Но это в какой-то степени необходимо и в творчестве. Ясность идеала, наверное, подразумевает и категорическое отрицание антиидеала. А для того, чтобы возникло взаимопонимание между художником и молодым зрителем, он, художник, должен понимать молодых прежде, чем представить им на суд свое произведение. И, разумеется, автор не должен поучать ни своими картинками, ни выступлениями. А вот дискуссия — это лучшее средство понять друг друга и лучшая форма взаимообогащения.

«Смена». В какой мере, по-вашему, свободен зритель в оценке героев?

А. Вайда. У зрителя должно быть ощущение, что у него есть полная свобода. Но если бы он обладал абсолютной свободой, это означало бы, что у режиссера нет возможности высказаться до конца. Авторы картины предоставляют зрителю достаточно большую свободу, но они должны подвести зал к восприятию своих представлений о мире. В этом, как мне кажется, и состоит искусство кинорежиссера.

А. Михалков-Кончаловский. Это вопрос о правилах игры. Разные жанры предоставляют зрителю разную степень свободы. Скажем, в психологической драме у зрителя большая свобода выбора, нежели в вестерне, где мы точно знаем, кто хороший, а кто — вор и негодяй. Но и вестерн имеет право на существование. Многообразие искусства — необходимое условие его богатства.

«Смена». Часто ли вы испытываете недовольство собой?

А. Вайда. Жизнь режиссера складывается из трех периодических повторяющихся фаз: сначала он испытывает

страх перед работой, затем — во время работы и, наконец, переживает разочарование, когда фильм выходит на экран. А между этими фазами необходимо запастись оптимизмом. Ведь ты должен поддерживать хорошее настроение в людях, которые вместе с тобой делают картину, в твоих друзьях. А дружить хотят с человеком, обладающим энергией, уверенным в себе, с энтузиазмом, который может увлечь других.

Во время работы я стремлюсь быть именно таким, даже если не уверен, удастся ли добиться успеха. Я должен убедить себя, что все хорошо и идет к лучшему.

А. Михалков-Кончаловский. Анджей Вайда относится к своим работам с большой нежностью и с большой критичностью. Но о свежих картинах говорить трудно. Это я знаю по себе. Когда ты только что сделал фильм, не хочется говорить о просчетах. Но проходит время, начинаешь относиться к картине более спокойно, начинаешь признавать: здесь не получилось и здесь, и хорошо бы все это перенять.

Создавая картину, ты хочешь сообщить зрителю какой-то комплекс мыслей и чувств. Если же это по каким-то причинам до зрителя не доходит, возникают сомнения и недовольство собой.

«Смена». Доверяете ли вы своему чувству современности?

А. Вайда. У меня должна быть уверенность, что мои взгляды разделяют многие. Поскольку я беру деньги, государственные деньги, я должен быть убежден, что найдется достаточное число людей, которые захотят посмотреть мой фильм. Иначе у меня не хватит смелости взять эти деньги. Могу ли я ошибиться? Конечно, в любой момент. Но то, что время от времени я добиваюсь успеха, придает мне уверенность. Хочу заметить еще, что современны не только картины о современности.

А. Михалков-Кончаловский. Чувство современности — это, наверное, острота ощущения жизни, глубина ее понимания, умение извлекать из нее важную для большинства людей суть. Вайда в полной мере наделен этим чувством. Анджей — иной в каждой своей новой картине. Он все время меняется в изменяющемся мире, постоянно ищет и находит новые территории для творчества.

«Смена». Вы сказали однажды, что война пощадил вас, но это для вас повод и даже обязанность говорить о ней...

А. Вайда. Я думаю, что военная тема, по крайней мере в Польше, исчерпана. Фильмы о войне, сделанные в последнее время, не внесли ничего нового в польский кинематограф. Картины первых послевоенных лет были более правдивыми, глубокими и человечными, были созданы на лучшей литературной основе.

А. Михалков-Кончаловский. По-моему, исчерпана не сама тема. Нужен новый подход к этому материалу, новая, обобщенная оценка тех или иных исторических событий. Эта новизна есть в последнем фильме Сергея Бондарчука.

«Смена». Кто из советских кинорежиссеров вам близок?

А. Вайда. Чухрай, Тарковский, Хуциев, Кончаловский... Это поколение режиссеров, которые дороги моему сердцу. Мне всегда очень приятно встречаться с Сергеем Юткевичем, который очень точен в оценках и чье мнение для меня очень важно. Я час-

то вспоминаю и Михаила Ромма, которого имел счастье знать.

«Смена». Вы начинали свой путь в искусстве как живописец. Можете ли вы представить себя в прежней профессии?

А. Вайда. У меня нет характера, чтобы быть художником и в одиночестве создавать картины на полотне. Режиссеру легче. Вокруг тебя люди, они подталкивают тебя, заставляют выполнять свои обязанности. Вместе работать легче, чем одному.

Но иногда вдруг приходит мысль, а не лучше ли было сменить в свое время профессию и начать все сначала. Это, по-моему, общее явление. И Антониони сделал очень правдивый фильм об этом «Профессия — репортер». Его герой, журналист, думает о том, чтобы бросить все, изменить фамилию, характер, словом, начать жизнь заново, как говорят итальянцы, с понедельника. Многие из нас оставляют себе в глубине души такую надежду. Пусть, мол, сегодня я делаю то же, что и вчера, но, может быть, с завтрашнего дня мне удастся начать жизнь по-новому. Но нужно быть взрослым и сказать себе: это невозможно, и оставаться самим собой до конца.

А. Михалков-Кончаловский. Я когда-то учился в музыкальном училище, готовился стать пианистом. Но я рад, что бросил музыку, потому что никогда не чувствовал себя за ролями внутренне свободным. Да, музыка дала мне очень много, и я не мыслю своей жизни без нее. Но кино дает мне гораздо больше удовлетворения.

Вот и сейчас я увлечен новой работой — пишу сценарий о сибирской нефти. И, кстати, хочу принести благодарность редакции журнала «Смена», в котором под рубрикой «Нефтяные реки Сибири» было опубликовано немало серьезнейших материалов по этой проблеме. В свое время они натолкнули меня на мысль обратиться к этой теме.

«Смена». В каждом вашем фильме перед героями встает проблема выбора, причем сделать выбор всякий раз очень непросто... Между чем и чем должны будут выбирать ваши герои в ближайшей вашей работе?

А. Вайда. Между безответственностью и чувством долга, которое приходит вместе со зрелостью. Я надеюсь решить эту задачу в фильме «Полоса тени» по Джозефу Конраду. Автор рассказывает, как, впервые став капитаном парусника, он вел себя на этом первом своем ответственном посту. Как в течение каких-то двух недель превратился из молодого человека во взрослого. Джозеф Конрад написал этот рассказ в 1916 году и посвятил его своему сыну, который в то время воевал во Франции.

Я надеюсь, что этот фильм привлечет внимание молодежи. Да, очень немногие становятся капитанами в двадцать пять лет, но каждый из молодых — и не в двадцать пять, а значительно раньше — приходит на завод, в учреждение, на театральные подмостки, словом, в жизнь. И каждый должен вовремя решить, кем и каким быть, должен брать на себя ответственность.

А. Михалков-Кончаловский. Да, во всех фильмах Вайды остро и определенно ставится проблема выбора. Я с огромным интересом жду каждую его новую ленту. Надеюсь, что Анджей найдет у Конрада материал, который поможет ему сделать свою будущую картину по-настоящему страстной...

Записал Андрей БАТАШЕВ.

Витаутас НАРВИЛАС

ПРОРОЧЕСТВО ЧЮРЛЕНИСА

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Искусство Чюрлениса опередило свое время. В начале XX века, когда литовский мастер создавал свои живописные полотна, лишь немногие могли постигнуть его гениальность. Известный русский художник, друг Чюрлениса, М. Добужинский писал: «Произведения Чюрлениса прежде всего поражали своей оригинальностью и необычностью, он ни на кого не был похож — источник его вдохновения казался глубоким и таинственным». А вот строки стихотворения «МКЧ» Эдуардаса Межелайтиса из цикла, посвященного Чюрленису:

Это мера гения,
что, как собственные владения,
небеса перекрывает, и каждый
этот отрезок превращает потом в удивительные
видения,
фантастические цветные видения
фресок.

Это подпись
на полотнах, отмеченных вечностью,
это волшебный ключик
от затворенных
башен, наполненных доброй его
человечностью,
от бесконечных галантик, им
сотворенных.

Микалоюс Константинас Чюрленис родился в 1875 году; детство его прошло в удивительном по красоте уголке Литвы — в окрестностях Друскининкай. Природу он чувствовал особенно чутко: природа для него была и цвет, и музыка, и удивительная форма. Он воспринимал мир широко и гармонично. С детства увлекался музыкой, занимался в оркестровой школе М. Огинского; потом учился в Варшавской консерватории. «Из научных дисциплин М. К. Чюрлениса больше всего интересовали проблемы астрономии и космогонии», — пишет в своих воспоминаниях Стасис Чюрленис. — Чтобы с большим успехом разбираться в этих вопросах, он изучал математику, физику и химию. Особенно любил он размышлять над проблемами небесной механики и гипотезами Канта и Лапласа о сотворении мира...»

Чюрленис — профессиональный композитор, автор первых литовских национальных симфоний «В лесу», «Море», увертюры «Нестугитис». Потом он тоже профессионально стал заниматься живописью. Музыка и живопись жили в нем дружно: он создает картины-сонаты и симфонические поэмы, как циклы картин. «Соната солнца», «Соната звезд», «Соната пирамид», «Соната моря», «Соната весны» — это названия его картин.

Картины Чюрлениса полны глубоко-

1 МКЧ — инициалы Микалоюса Константинаса Чюрлениса, которыми он подписывал свои картины.

На IV обл.

Леонид
ПЛЕШАКОВ

МИРНОЕ НЕБО ВЬЕ

«Право на мир принадлежит каждому человеку на нашей планете. Разрядка напряженности должна расширяться, углубляться, распространяться на все районы мира. Советский Союз считает своим долгом содействовать развитию международной обетановки именно в таком направлении.»

Упрочение мира на земле создаст благоприятные возможности для обеспечения экономического и социального прогресса всех народов».

[Из документа Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «Об итогах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе».]

МОЛОДОСТЬ ОСВОБОЖДЕННОГО ВЬЕТНАМА. ТЕПЕРЬ У НЕЕ ЕСТЬ ВСЕ — МИР, ВОЗМОЖНОСТЬ УЧИТЬСЯ, СОЗИДАТЬ, РАДОВАТЬСЯ ЖИЗНИ.

ТНАМА

Ближе к вечеру в канун отлета в Москву я решил в последний раз пройтись по улицам Ханоя. Хотя полуденный зной заметно пошел на убыль, все равно было душно и жарко, как бывает душно и жарко во Вьетнаме только в самый разгар лета. Стайки велосипедистов будто нехотя крутили педали от перекрестка к перекрестку по прокаленным улицам, а пешеходы жались на тротуарах в тень домов и развесистых тамариндов.

От гостиницы до озера Возвращенного Меча всего два квартала, и я не торопясь потянулся знакомым уже маршрутом, вовсе не в надежде там найти прохладу — солнце тут справедливо и жарит все и вся, — а просто потому, что сам вид воды, пусть даже теплой на ощупь, успокаивал и вселял надежду, что есть места, где ртуть в термометрах не взлетает за тридцатипятиградусную отметку.

Ну и, конечно же, дань традиции.

Пожалуй, не было еще журналиста, который бы не «щелкал» на память о Ханое вид озера с обязательной парочкой влюбленных на берегу, как гости Москвы увозят с собой фотоснимки Василия Блаженного. Так уж повелось. Я тоже не собирался оригинальничать. Да и сил, измотанных жарой, на поиски нового сюжета просто не осталось.

Все было привычным. Цветочные ларьки, где хрупкие девушки разворачивали листик за листиком тугие бутоны лотосов, а потом сплетали сиреневато-розовые цветы в неестественно яркие букеты. Лотки зеленщиков, предлагавших гроздь бананов и очищенные ананасы. Даже очередь к мороженщику, торговавшему эскимо.

И все-таки глаз улавливал что-то новое в этой привычной картине. Под мощными вековыми деревьями на берегу озера лежали груды битого кирпича вперемежку с землей. Две недели назад тут горбатились бомбоубежища с выложенными кирпичом входами и обязательными противоосколочными стенками перед ними. Теперь и входы и стенки превратились в кучи строительного хлама, который тоже горбатился в ожидании грузовиков, отвозивших его на свалку.

Ханой возвращался к мирной жизни. К миру возвращалась вся страна, перед которой наконец-то открылся путь к единству. Длившаяся три десятилетия борьба за освобождение осталась позади. Позади бомбежки, воздушные тревоги, рейды «фантомов» и «Б-52», позади шариковые бомбы, дефолианты, оголившие леса, штурм американских военных баз, налеты на гарнизоны марionеточных войск — позади кровь и смерть.

И все-таки даже сейчас, когда на всей вьетнамской земле наступил мир, война все еще напоминает о себе. Лик ее разный, но в любом облике она означает уничтожение живого, того, что создано руками человека.

В Хайфоне представитель международного отдела муниципалитета повез на окраину города, где возводились кварталы новых жилых домов.

— Это новый район? — спросил его.

— Нет, старый. Во время налетов «Б-52» его сровняли с землей, домов не было, оставался только метровый слой строительного мусора.

В цехах механического завода Хайфона рядом со станками видны в грунте бетонные ободки бывших убежищ. Истребители-бомбардировщики появлялись со стороны моря мгновенно, порой сигналы тревоги не успевали известить о начале налета, и рабочие, выключив станки, прятались тут же, рядом, в круглые бетонные ячейки с бетонной крышечкой. Теперь ячейки засыпала землей, сровняли с грунтом, но бетонный ободок выдает, что и здесь проходил рубеж войны.

На том же заводе я видел наладку советских станков. По датам их изготовления можно было понять, что они много лет назад покинули предприятия-изготовители, но толстый слой смазки на рабочих узлах говорил, что к работе они еще не приступили. Захваченные войной, они долгие годы оставались в пещерах ближайших гор, под легкими навесами в джунглях. Их хлестали тропические дожди, и коррозия тронула места, где металл обнажился от смазки. Но станки могли ра-

ботать. Их чистили, шабрили, возвращали к жизни.

Дороги Вьетнама... Едешь — будто листаешь страницы, которые хранят все трагические события последних десятилетий. И главная среди всех дорог № 1 — двухтысячекилометровая узкая лента, бегущая с севера на юг вдоль моря. Я проехал по ней путь от Ханоя до Дананга и обратно и могу свидетельствовать, что и через три месяца после капитуляции последних сайгонских войск она по-прежнему казалась фронтовой.

Как сторожевые посты, на холмах вдоль дороги стоят шестигранные французские доты. Те самые блок-посты, с помощью которых колонизаторы стремились сохранить свой контроль над дорогой, а значит, и над близлежащей землей. Их амбразуры пурятся во все стороны, будто берут на мушку всякий подозрительный предмет. Доты натканы часто, на дальность зрительной связи, чтобы можно было поддерживать соседа огнем крупнокалиберных пулеметов. И кажется, что передают они нас друг другу, словно эстафетную палочку. Бетонные бункеры торчат у мостов по берегам рек, потому что власть над скрещением этих двух транспортных артерий — сухопутной и водной — давала власть над всеми живущими здесь.

Дорога продолжает жить.

Вьетнам выстоял. Но урон, нанесенный войной, огромен.

Восстановление электростанций, заводов, дорог, мостов потребует времени и колоссальных затрат. Только через два с половиной года после подписания парижского соглашения удалось наладить железнодорожное сообщение от Ханоя до Виня. Только второго сентября, в день тридцатилетия ДРВ, начнет на полную мощность работать знаменитая «Тхакба», самая мощная гидроэлектростанция в стране, построенная при содействии СССР и разрушенная американскими бомбардировщиками в июне 1972 года. Восстанавливаются главные ворота страны, Хайфонский порт, который пока еще с трудом справляется с потоком грузов, идущих из братских стран и так необходимых для возрождения промышленности.

Большую сложность представляют экономические и социальные проблемы Юга, хотя наступление армии Освобождения было настолько стремительно, что промышленность, транспорт, связь практически не были выведены из строя. Бывшие хозяева заводов и фабрик перед бегством все-таки пытались нанести им какой-то урон. В Дананге на текстильной фабрике «Сиковина» нам рассказали, как бывший директор перед бегством предлагал рабочим тащить домой все, что они захотят: все равно, мол, придут коммунисты и разграбят предприятия. Рабочие на уговоры не поддались, только сайгонские солдаты успели кое-что прихватить перед бегством.

Сейчас бывший директор в Америке, а «Сиковина» по-прежнему работает. Трудности она испытывает немалые, и вызваны они вовсе не смеялой хозяйни — предприятие было сразу национализировано, — а тем, что прежние экономические связи нарушены, новые же еще не налажены.

Даже судя только по опыту «Сиковины», взаимозависимость разных фирм и фабрик была огромна. Она принадлежала объединению, которое находилось в Сайгоне, и выпускала джинсовую ткань. Работала на привозном хлопке, прядла его, ткала, но готовую продукцию отправляла в Сайгон, для окраски и окончательной отделки. «Сиковина» была лишь средним звеном в цепочке, и задушить ее не составляло труда: не дай хлопку или не покрась выпущенную ею ткань. А фабрика — самое крупное предприятие Дананга — давала средства к существованию тысячам людей. Не удивительно, что народная власть с первых же дней делала все возможное, чтобы она продолжала работать, а Север прислал сюда советский хлопок.

Наиболее острой проблемой Юга стало снабжение горючим. Здешнее хозяйство было настолько прочно поставлено в зависимость от привозного топлива, что некоторые отрасли теперь практически парализованы. Стоимость литра бензина в Дананге взлетела до 700 шиастров, что в переводе составляет более полутора долларов. На перекрестках улиц у бесконечных лавок и магазинчиков расторопные мальчишки торгуют бензином, разлитым в бутылочки из-под пива и кока-колы.

Нехватка горючего поставила на прикол автотранспорт. Рыбачьи лодки без мотора не могут уходить далеко в море, а у берега улов не тот. Сократился подвоз продуктов из дальних сел, и это сказалось на рыночных ценах.

Разумеется, проблема бензина рано или поздно будет решена, и ее в известной мере можно отнести к временным трудностям. Но есть вопросы, решение которых еще более сложное.

Экономика Юга развивалась однобоко и была деформирована милитаристским укладом сайгонского строя. Огромная армия, державшаяся на иностранной помощи и ограблении своего народа, породила целую, если так можно выразиться, отрасль хозяйства, занимавшуюся обслуживанием как своей, так и чужой солдатни: рестораны, бары, ночные клубы, опиумокурельни. В одном Дананге, как нам сказали в мэрии, на полмиллиона жителей было более двадцати тысяч зарегистрированных проституток. А регистрировались далеко не все.

Американская армия убиралась за океан, сайгонская — капитулировала, но остались люди, которые занимались их обслуживанием. Где им найти работу? Да и что они могут делать? С прежней профессией не проживешь, другой нет. И безработица, которая и раньше-то на Юге процветала, все больше увеличивается.

Приезжего в Дананге поражает количество магазинов на торговых улицах (в принципе тут все улицы торговые, и лавочки-магазинчики, тесно прижавшись друг к другу, отвоёвали все первые этажи домов). Поражает обилие разнообразных товаров и экзотический вид продавцов. Они заывают к себе, предлагают посмотреть, примерить, купить какую-нибудь безделицу, которая тебе вовсе не нужна.

Но когда глаз начнет уставать от всей этой пестроты, задаешь себе вопрос: если столько продавцов, то кто все это покупает? Армии с ее твердым жалованьем нет. Те, кто ее обслуживал, тоже остались без заработка. Рабочий класс немногочислен.

Как-то перед полуднем, когда зной вывел людей с улицы и вогнал в дома, я шел вдоль торговых рядов и увидел кусочек их жизни. В опустевших от покупателей магазинчиках семьи торговцев сели к обеденному столу: отцы, матери, дети. И были на столе традиционный рис с соусом, зелень и немного фруктов. Торговля кормила плохо. И все эти груды товаров — всего лишь оборотный капитал, часто не свой собственный. Нужно продать, чтобы снова купить и опять продать. Разница в цене твоя, но она не так уж велика. Мелкий розничный торговец зависит от оптовика, а оптовик в предвидении перемен сбежал. Обрублена еще одна живительная ниточка, которая подерживала мелкий «бизнес». Значит, и ему идти в безработные.

Новая народная власть принимает меры, которые помогут поднять занятость населения. Одна из них — увеличение сельскохозяйственного производства, расширение посевных площадей: они повлекут отток свободных рабочих рук из города в деревню. Время покажет, насколько успешным окажется это решение. Но сейчас оно кажется единственно возможным и верным.

Страна, основой экономики которой является сельское хозяйство, испытывает большие трудности с продовольствием. Поставки риса из ДРВ — бескорыстная помощь северного брата, который и сам отнюдь не имеет излишков. Сделаны первые шаги, которые помогут увеличить производство сельхозпродуктов. Подразделения армии Освобождения Южного Вьетнама вместе с крестьянами работают на освоении целинных земель. В провинции Куангчи рядом с дорогой № 1 мы видели суботник по разминированию полей. Сначала солдаты-саперы инстуркировали деревенскую молодежь, как искать противопехотные мины, а потом двести юношей и девушек, выстроившись плотной шеренгой, шли по полю, прощупывая землю острыми металлическими шупами. Здесь ставили пластмассовые мины, которые невозможно засесть миновискателем, их можно найти только на ощупь, а этот способ требует большого количества людей. Но деревне нужны новые земли...

Второго сентября Демократическая Республика Вьетнам празднует свое тридцатилетие. Не много лет из этих тридцати прошло в мирном, созидательном труде. Теперь война окончена, и страна наконец полностью освобождена.

Готовясь к поездке во Вьетнам, я пролистал газеты сентября 1945 года. Мир праздновал окончание второй мировой войны, и на радостях мало уделяли внимания образованию нового демократического государства в Юго-Восточной Азии. Во всяком случае, тогда этому событию не было придано особого значения. И комментарии по поводу окончания войны касались в основном дел в Европе.

Теперь же всем ясно значение Августовской революции. Вьетнам стал форпостом социализма в этом районе мира.

Сейчас две трети населения страны составляют те, кто родился при социализме. Ей, вьетнамской молодежи, строить новую жизнь. Вьетнам победил в борьбе, Вьетнам победит в труде.

СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ
2. СЛЕДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
3. ПО СТОПАМ ГИТЛЕРОВЦЕВ
4. ВОДА ДОРОЖЕ ЗОЛОТА
5. ЖИДКОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО
6. НА РАБОТУ — С СЕМИ ЛЕТ
7. УЧИТЕСЬ СБРАСЫВАТЬ НАПРЯЖЕНИЕ
8. ЧЕРНЫЙ ЖЕМЧУГ
9. МУМИЯ НА ОПЕРАЦИОННОМ СТОЛЕ
10. СВЕЧИ НА ЛЮБОЙ ВКУС

1.

Как живет румынская молодежь? Какие проблемы ее волнуют?

Об этом лучше всего могут рассказать сотрудники Центра по изучению проблем молодежи, который находится в Бухаресте, на улице Онести, 4—6. Этот Центр создан в 1968 году по инициативе партийного руководства страны и непосредственно подчиняется Союзу коммунистической молодежи Румынии.

Работающие в Центре научные работники, среди которых социологи, экономисты, психологи, юристы, философы, педагоги, тесно сотрудничают с преподавателями вузов, школьными учителями и молодежным активом. Центр располагает десятком филиалами.

Целью исследований является определение отношения молодежи к актуальным политическим, экономическим и социальным проблемам. Так, например, после опубликования в печати «Кодекса принципов и норм работы и жизни коммунистов, социалистической этики и морали» Центр провел среди молодежи анкетное обследование: что знает об этом документе молодежь, как она его понимает и применяет в конкретных жизненных ситуациях. Очень тщательно было подготовлено и проведено исследование по вопросу формирования жизненных идеалов среди юношей и девушек 14—18 лет. Выяснилось, в частности, кто оказывает влияние на формирование жизненных принципов, какие черты должен иметь человек, являющийся идеалом для молодых людей. Еще одно анкетное обследование, проведенное среди студентов, имело целью выяснить, как представляют себе студенты свое место в обществе, каким должно быть их участие в общественно-политической жизни, как должна наиболее эффективно работать молодежная организация, как оценивают студенты перспективы работы в избранной ими специальности.

Результаты работы Центра по исследованию проблем молодежи передаются для использования в Союз коммунистической молодежи, Министерство просвещения, Министерство труда и Совет культуры и социалистического воспитания.

«ДООКОЛА СВЯТА», ПНР

2.

38 лет спустя после трагических событий в испанском городе Герника, в самом его сердце, была найдена неразорвавшаяся бомба немецкого производства. И именно она уничтожила окончательно последние доводы фашистов и их испанских сподвижников, утверждавших, что гитлеровские нацисты не имели ничего общего с преступной бомбардировкой, стершей с лица земли этот город.

Напомним кратко те давние события. Во время гражданской войны в Испании Герника была полностью разрушена в результате бомбардировки немецкими самолетами легиона «Кондор». Волны черных чудовищ следовали одна за другой, и взрывы бомб не прекращались. 1654 убитых, 889 раненых — так выглядит список жертв варварского налета. Весь мир возмутился этим злодеянием.

Нацисты, поддерживавшие тогда франкистский путч против Испанской республики, отреклись от преступления, попытавшись припи-

сать его... самим баскам. К ним присоединились испанские и итальянские фашисты. Они обвинили во всем республиканскую авиацию, но никто, конечно, им не поверил.

И вот теперь, роя котлован под фундамент нового здания, группа рабочих нашла бомбу немецкого производства, весящую свыше 200 килограммов. Происхождение бомбы было абсолютно точно идентифицировано техниками испанской авиации и жандармерии.

«БОЭМИЯ», КУБА

3.

«Трес-Аламос» — так называется концентрационный лагерь, где вместе с другими узниками томился (до перевода в морской госпиталь в Вальпараисо) Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Луис Корвалан. «Трес-Аламос» в точности, во всех отношениях напоминает гитлеровские концлагеря. Вооруженная до зубов, моторизованная охрана день и ночь патрулирует лагерь, окруженный по всему периметру колючей проволокой, по которой пущен электрический ток.

Во всех четырех углах этой бывшей монастырской католической школы, которую хунта Пиночета сразу же после фашистского путча одиннадцатого сентября 1973 года превратила в концентрационный лагерь, расположены десятиметровые смотровые вышки. На вышках установлены пулеметы и прожектора.

Почти двести специально вымуштрованных «карабинеров» надзирают за пятьюстами узниками. Начальник концлагеря — майор полиции Конрадо Пачеко Гальдо, прославившийся своей жестокостью. Служебные помещения начальника лагеря, а также камеры, куда брошены особо опасные, на взгляд хунты, узники, отделены от остальной территории лагеря тщательно охраняемой стеной. Луиса Корвалана держали в камере на третьем этаже. Под кабинетом начальника лагеря находятся помещения для допросов и камера пыток.

На территории «Трес-Аламос» стоят друг против друга три барака для узников, а немного в стороне — четвертый, деревянный сарай, где нет ни одного окна. В этом бараке находятся женщины, причем порой здесь теснятся до ста пятидесяти узниц. А часть этого сарая занимают дети.

«НЬЮ ЭЙДЖ», ИНДИЯ

4.

Где дешевле напиться до чертиков, чем принять ванну?

Ответ: на острове Вознесения, куске земли размером с носовой платок (9 на 6 миль), затерявшемся в Атлантическом океане. Отсюда до ближайшего соседа, до острова Святой Елены, — многие сотни миль.

Это место могло бы быть раем. Однако существует веселое «но»: на острове нет воды. Каждую каплю воды, которая нужна восьмистам жителям острова, приходится регенерировать из морской соленой воды. А это весьма дорогое удовольствие. Вот почему стоимость воды непрерывно растет: недавно цена за 1 тысячу галлонов воды (галлон — около 4,5 литра) была поднята с 5 до 19 фунтов.

Если бы англичанам пришлось платить за воду столько же, то счета за квартиру составляли бы примерно 600 фунтов.

Стоит ли удивляться, что жители острова Вознесения крайне бережливы во всем, что касается воды. Ведро расставлено вокруг всех домов, на дорожках во дворах, дабы не упустить ни одной капли воды, которую небеса раздают бесплатно. Водой, в которой купались, поливают потом цветы в ящиках (эти цветы заменяют островитянам сады). Вода, использованная для стирки, сохраняется — в ней постирают следующую партию вещей.

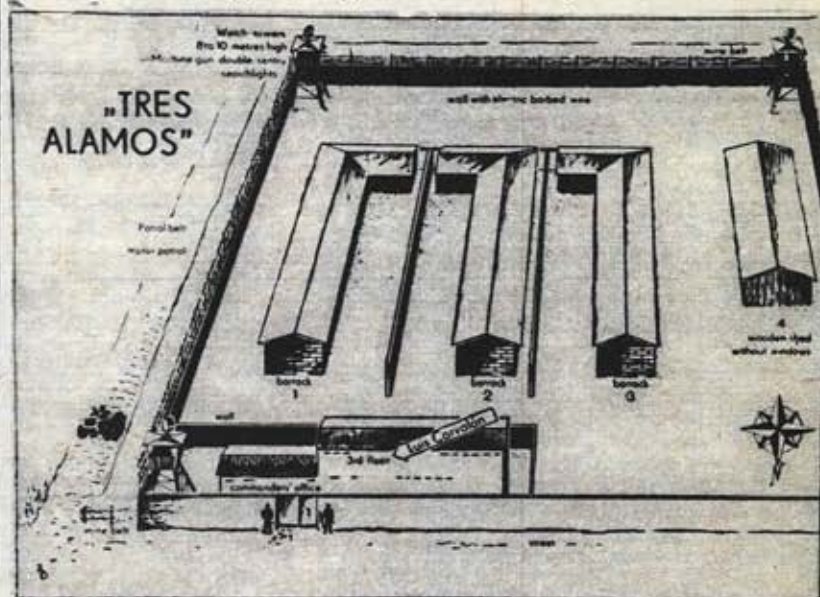
Дожди на острове случаются, но вулканическая почва быстро поглощает всю влагу. Здесь нет ни рек, ни ручейков и очень скудная растительность.

Жители острова общительные и гостеприимные люди... до тех пор, пока вы не попросите воды.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

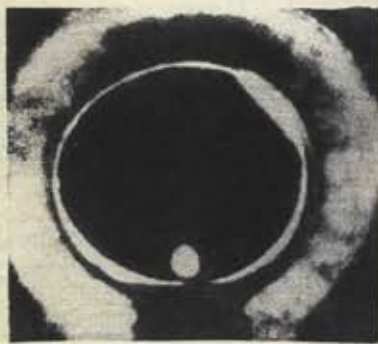
5.

Что же это такое — электричество? Американские ученые из университета в Беркли утверждают: разумеется, жидкость. С первого взгляда такое утверждение кажется, мягко говоря, слишком смелым. Но ученые имеют доказательства — после долгих ухищрений им удалось сфотографировать «каплю» электрического тока. Для этого они охладили в герметическом сосуде заряженный электромерный тонкий германиевый диск диа-

жетром 1,4 мк до температуры, близкой к абсолютному нулю. Затем при помощи лазерного луча было вызвано инфракрасное излучение. С помощью регуляторного винта ученые произвели давление на германиевый диск, искривив тем самым его атомную решетку. В момент наибольшего давления облачко капель так называемых электронных дырок слилось в углублении в каплю чистого электричества, которую удалось сфотографировать. Было выяснено, что капля обладала поверхностным натяжением и другими свойствами, характерными для жидкостей. При нагревании на несколько градусов капля закипала и испарялась подобно воде, превращаясь в пар. Один из ученых заявил, что капля электричества — это холодная субстанция с высоким удельным весом, своеобразная плазма, состоящая из 10 000 миллиардов положительных и отрицательных электрических зарядов. Поскольку это свойство электричества было предсказано еще в 1934 году физиком Уигнером, замороженная электрическая капля получила название «твердое тело Уигнера».

«НАУКА И ТЕХНИКА»,
БОЛГАРИЯ

6.

В Италии вновь говорят о трагедиях, связанных с детским трудом. В Трапани (Сицилия) от удара электрическим током погиб 13-летний мальчик, работавший на стройке. Сальваторе Липари (так звали его) зарабатывал по тысяче лир в день и был одним из армии 6—14-летних детей, которые ходили не в школу, а на работу.

Число работающих детей в стране составляет, по оценке официальных органов, 250—500 тысяч. Даже в Милане, этом богатейшем городе Италии, насчитывается 55 тысяч детей, продающих свою рабочую силу за нищенскую зарплату. А уж на Сицилии 7-летние труженики, с раннего утра до поздней ночи чистят кастрюли на кухнях частных кафе и ресторанов, — обычное явление.

Нет такой работы, которую бы не выполняли ребятишки. Они сервируют столы в питейных заведениях, моют и собирают грязную посуду, их посылают на тяжелые транспортные работы. Из официальных источников явствует: ежегодно свыше тысячи детей до 13 лет попадают в аварии, последствия которых сказываются затем всю жизнь.

Эта армия работающих детей — одновременно и источник неграмотности или по крайней мере чрезвычайно скудного образования. При обследовании одного из беднейших кварталов Палермо констатировалось: семь из десяти жителей не умеют ни читать, ни писать. Еще одно такое обследова-

ние состоялось в городе Энна. Его результаты: 79 человек из ста никогда не держали в руках книги, 60 — никогда не читали газеты, а 37 — вообще не посещали школы. На Сицилии 25 процентов детей вопреки закону не ходят в школу. Акции международных организаций, особенно в Международный женский год, направлены на то, чтобы эти глупые для Италии проблемы были в скорейшем времени решены.

«ЭСПРЕССО», ИТАЛИЯ

7.

Этот пациент относился к тому типу личности, который называют «типом А». У него неизменная жажда соперничества, и он постоянно ставит перед собой какие-то рубежи — однако все это до тех пор, пока у него не случился сердечный приступ. Если пациент поправится, ему посоветуют, помимо всего прочего, научиться расслабляться, сбрасывать напряжение. Но что, если он не сумеет, не сможет изменить свой образ жизни?

Чтобы помочь людям такого типа справиться со стрессом, Ричард Свайн, руководитель отдела психологии университета штата Колорадо, разработал специальный курс лечения. Цикл упражнений предусматривает пять занятий по тридцать минут каждое. Вначале пациентов учат напрягаться и расслабляться, при этом имитируются ситуации, которые могут вызвать стресс, — повышенная загруженность в работе, личные конфликты на службе, семейные неприятности. Затем пациенты обучаются самоконтролю, привыкают сбрасывать напряжение менее чем за минуту.

Следующий шаг — воображение. Пациенты отчетливо представляют себе, «видят» стрессовую ситуацию. Больных учат сосредоточивать внимание на таких признаках стресса, как учащенное сердцебиение, появление пота, судороги. Затем им показывают, как «выключать» стресс с помощью расслабления. Свайн объясняет, что когда такие признаки появляются снова, пациент узнает их и, что особенно важно, уже умеет справиться с ними. У некоторых больных вырабатывается рефлекс автоматического сбрасывания напряжения, другим для этого по-прежнему нужно направленное усилие.

На заключительном этапе пациент использует то, чему его научили, для изменения своего рабочего ритма: он стремится выполнять прежнюю работу с меньшими нервными усилиями.

Многие пациенты сообщали, что программа упражнений «сильно» или «очень сильно» помогла им. Разработанная методика будет применяться для предотвращения неприятностей у людей «типа А», которые не имели инфаркта. Пока не имели.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

8.

Самые красивые виды черных жемчужин разных оттенков и форм до второй мировой войны поступали из Полинезии, и цена их на мировом рынке была необычайно высока. Чтобы вырастить жемчужина диаметром двадцать

миллиметров, требуется пятнадцать — двадцать лет. От пяти до десяти тысяч раковин нужно вскрыть, пока не посчастливится встретить черную драгоценность.

Известно, что жемчуг можно выращивать искусственно. Для этой цели в полураскрытую раковину вставляют крошечный шарик, а затем опускают раковину в море. Защищаясь от инородного тела, моллюск постепенно наращивает вокруг шарика слой за слоем, пока не возникнет то, что люди называют жемчужиной. Опыты такого рода издавна проводятся в Японии, сейчас эта страна занимает первое место по выращиванию искусственного жемчуга. Так, в 1973 году там было добыто 145 тонн. Однако черный жемчуг японцам вырастить не удалось, ибо жемчужные раковины вида шингада маргаритифера не приживаются в холодных водах Японского моря, а жемчуг черного цвета могут давать только они.

Но с 1968 года во Французской Полинезии при консультации японских специалистов удалось начать выращивание черного жемчуга. На атолле Манихи (остров Туамоту) масштабы этих опытов достигли почти промышленного уровня, и можно полагать, что довоенная слава полинезийского черного жемчуга может вскоре возродиться.

«СЪЯНС Э ВИ», ФРАНЦИЯ

9.

Группа американских и чехословацких ученых произвела вскрытие мумии, возраст которой составляет около двух тысяч лет. Исследование должно установить, какими инфекционными заболеваниями страдали жители Древнего Египта. Это, в частности, можно определить, изучая строение антител, имеющихся в крови человека. Поскольку антитела имеют белковую структуру, они могут сохраняться в мумифицированном теле тысячелетиями.

Попавшая на операционный стол мумия принесла ученым ряд неожиданностей. Так, в легких были обнаружены мелкие частицы копоти. Их количество было почти таким же, как и в легких современного человека, живущего в большом городе. Возможно, что копоть попала в дыхательные пути от применявшихся в то время масляных осветительных ламп. Другим сюрпризом оказалось наличие в легких большого количества

мелкой кремневой пыли, что характерно для рабочих шахт и каменноломен. Пока неясно, как могло попасть такое количество каменной пыли в легкие человека, принадлежавшего к высшим слоям древнеегипетского общества.

«ВЕСМИР», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

10.

Город Камеяма в префектуре Мизе если и появляется на картах мира, то только потому, что славится производством свечей. Город гордится своими восемью заводами, где изготавливается четыре пятых всех японских свечей.

И вот они перед нами. Различной формы и разных размеров. Впечатляющая гамма всевозможных цветов и оттенков. Свечи высокие, короткие, круглые, квадратные, гладкие и лихо закрученные.

Восковые и парафиновые статуэтки, собранные здесь, могут быть по ошибке приняты за керамические безделушки. Вот парнишка с букетом цветов. А рядом девушка с письмом, печать на котором имеет форму сердца. Фрукты — от яблока до банана и от груши до апельсина — трудно отличить от настоящих. На одних свечах причудливые рисунки вылеплены снаружи. На других вдавлены, вытиснены вглубь. Третьи обвиты изящным шнуром. Четвертые напоминают цветные цилиндрические кольца.

Некоторые свечи покрыты дополнительным слоем особого воска, который не тает даже в том случае, когда свечу зажигают. Темы рисунков, вытисненных на свечах, разнообразны. На одних — традиционные сюжеты из японской жизни, другие призваны удовлетворить вкусы заморских покупателей.

Сезонная продукция тоже необычна. К Дню Благодарения (американский официальный праздник в память первых колонистов Массачусетса) выпускаются свечи в форме индейки. Снежные бабы с яркой красной шляпой изготавливаются к рождеству. И само собой — многочисленные Санта Клаусы. Популяристы, как показывает снимок, и всевозможные куклы.

Девяносто процентов свечей экспортируется в США, Канаду и Австралию.

Мощность одной фабрики, использующей машины, — двадцать тысяч свечей в день, если рисунок и форма достаточно просты.

«ФОКУС ФИЛИППИНС»,
ФИЛИППИНЫ

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

не поспеем, то через час или через полчаса, а может, через минуту вылезут из-за валобка «тигры» и сомнут нас, размолотят батарею... А над плечом моим тонко и просительно гудит пожилой капитан-артиллерист: «Три доушечки, ребяточки, дорожке мои, поспейте, ради бога, только бы лошадку прикрыть, а здесь мы их не пропустим, только вы нам фланг прикройте, родимые...» А я хрипло ему обессиденно: «Валежник, кусты тащите скорее...» И когда перед вечером «тигр», весь багрово-черный от косых лучей падающего солнца, в сизом мареве дизельного выхлопа накатил на край громадной, нами откопанной ямы, прикрытой жердями и травой, закачался на короткий вздох и с ужасным треском провалился, оставив снаружи только пятнистую бронированную задницу, мы вот так заорали все вместе — счастливо и бездумно, и тогда, а может, много спустя, уже в госпитале, но кажется, именно тогда, я вспомнил рисунок из школьного учебника: охотники бьют свалившегося в огромную яму монста...

К вечеру, когда солнце уже повисло на острых верхушках черно-зеленого ельника, показался на дороге «фердинанд», расклевывавшийся неуклюже на ухабах, словно Копытин заправлял его не бензином, а самогоном. За ним держали в кильватер два хозотдельских грузовика.

— Отбой! — скомандовал нам Жеглов, а Мамыкин со своей деланы кричал, что копать надо до темноты — они все-таки на несколько мешков отстали.

— Хоть до утра! — предложил Жеглов. — Правда, нам уже копать нечего, разве что вам подсобрать?

И тут я впервые за весь день почувствовал, что притомился немного — с отвычки ломило спину и горели ладони.

Считали мешки, Мамыкин с Жегловым препирались, что у нас они меньше, чем у них, Жеглов предлагал рассыпать мешок и пересчитать картофельники, потом быстро и весело загрузили их в машины, собрали свои вещички, а Копытин все еще недовольно ходил вокруг автобуса, пинал ногами колеса и бубнил, что так никаких амортизаторов не напасешься. Потом машины заурчали и поползли к дороге, а мы всей толпой отправились на станцию.

Поезд был переполнен, и Варю со всех сторон прижимали ко мне, и никогда еще толчея вагона не была мне так сладостна, потому что не видно было моих нелепых валенок, а только Варыны глаза — светили прямо перед моим лицом.

и что-то говорила она мне, а я ничего не понимал и отвечал невпопад, потому что этот старый, набитый людьми, завывающий вагон бросил мне ее в объятия бездумно и щедро, как только может это сделать судьба, и, оглохнув от счастья, я прижимал ее к себе и каждой своей мышцей, каждым кусочком кожи чувствовал ее тепло и упругое тело, и бешено кружилась голова от близости ее полных, мягких губ и влажно мерцающих крупных зубов...

На Ярославском вокзале кипящая толпа вышвырнула нас из вагона, и я крикнул жегловской голове, крутящейся неподалеку в водовороте:

— Держи, Глеб! — и кинул ему ключ от квартиры.

— А ты? — Его голова вывинтилась на аршин из половодья баулов, корзинок, лопат, мотыг и даже одной сетки с живым петухом.

— Я позже буду...
На Комсомольской площади мы сели с Варей в трамвай «Б», и она показала мне в окно:

— Смотри, Володя, впервые после войны...
Над крышей вспыхнула и неровным голубым светом забилась неоновая огромная надпись «Ленинградский вокзал», и мне почему-то показалось это добрым знаком.

Кружил нас по всему городу трамвай, громящая по железным вензелям рельсов, и когда мы сошли на Палике, последняя теплая осенняя ночь уже наступила, и мне не хотелось думать ни о каких делах, и никакие страсти большие меня не терзали, но одна мыслишка все время не давала покоя, и я спросил Варю хитро:

— Правда, Жеглов — удивительный мужик? Ничего она не ответила и, только когда вошли в ее парадное, сказала, будто все это время раздумывала над моим вопросом:

— Умный парень. Молодец... — Интонация странная у нее была, но не успел я опомниться, как она открыла дверь: — Запомни мой телефон... Будет время, позвони...

В небе носились ошалевшие звезды, крупные и холодные, как неупаивший град. Ветер поднимал с тротуаров обрывки газет и палые листья, и я гонял с ними наперегонки, шел и разговаривал сам с собой и до самого дома шел пешком, забыв, что еще ходят трамваи. И все еще прикидывал и раздумывал, нравятся ей Жеглов или нет, а когда вошел в комнату, он спал, накрывшись одеялом с головой и забыв погасить свет...

Даже во сне ныло все тело, резало глаза, каждую мышцу, как боль, мучила усталость, и сон, тягучий, душный, бесконечный, не был отдыхом. Я с удовольствием освободился от него, открыл глаза и поднял голову, когда в дверь комнаты раздался стук, и только не мог спросонья сообразить, кто это может быть, — ночь ведь еще на дворе?

— Можно! — заорал я и включил настольную лампу. В комнату вошел долговязый милиционер Татьяна из комендантского подразделения. Я посмотрел на часы — было четыре тридцать, значит, спал всего часов пять.

— Здравия желаю, — сказал Татьяна. — Подполковник Свирицкий срочно вызывает. И товарища капитана Жеглова то же самое...

При звуке своего имени Жеглов открыл глаза и спросил ясным голосом:

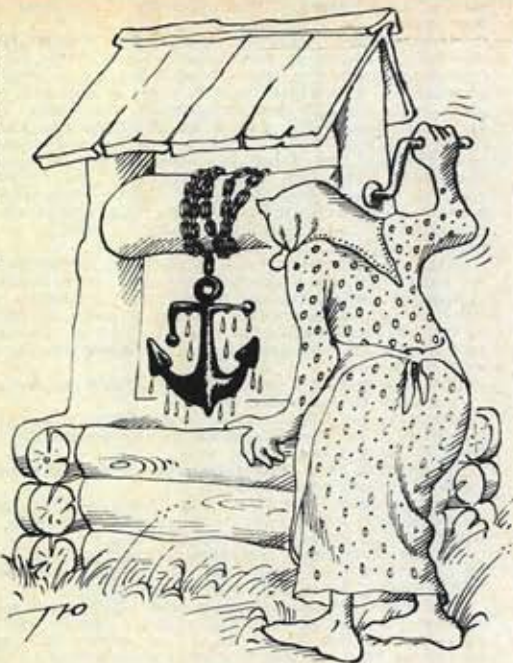

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

Рисунок Валерия АШМАНОВА

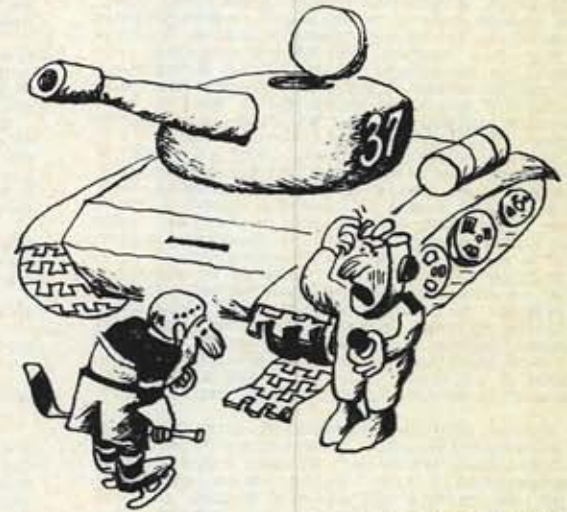
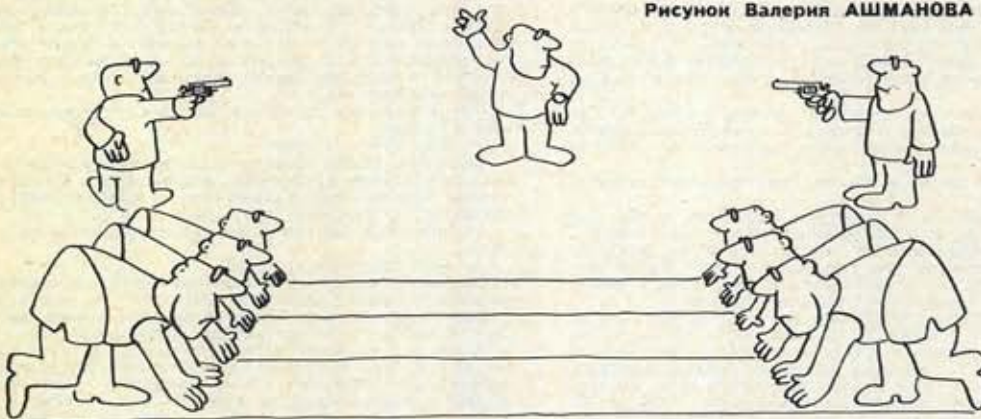

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

«РУССКИЕ ИГРАЮТ ЛУЧШЕ НАС»

В сентябре исполняется тридцать лет с момента исторического радиоматча между шахматистами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Для того времени сам факт проведения шахматного поединка в эфире партнеров, которых разделяло огромное расстояние в 9 тысяч километров, считался настоящей сенсацией. Добавим, что за период матча обеими сторонами было передано 2 тысячи радиотелеграмм! Еще более сенсационным явился итог этого сражения. Американская команда в тридцатых годах славилась как сильнейшая в мире, ибо она четырежды иряду побеждала на всемирных шахматных олимпиадах. Советские шахматисты в международных «турнирах наций» дотоле не участвовали.

В каждой из команд было по десять человек. Играли в два круга. Обе страны были представлены в радиоматче своими самыми лучшими, наиболее талантливыми шахматистами. Под знаменами сборной СССР были призваны гроссмейстеры чемпион СССР М. Ботвинник, В. Смыслов, И. Болеславский, С. Флор, А. Котов, И. Бондаревский, А. Лиленталь, мастера В. Рагозин, В. Макогонов, Д. Бронштейн. В команду США входили тогдашний чемпион этой страны мастер А. Денкер, гроссмейстеры С. Решевский и Р. Файн и другие видные американские шахматисты.

Наша команда находилась за шахматными столиками в зале Центрального Дома работников искусств. Американцы разместились в зале отеля Генри Гудсон в Нью-Йорке. Игра началась ровно в 17 часов 1 сентября. Счет был открыт только ночью, через 9 часов 50 минут(!): пришла телеграмма от чемпиона США, в которой он сдал партию чемпиону СССР и поздравил его с блестящей победой. А в 3 часа 50 минут ночи из-за океана было получено сообщение о том, что С. Решевский признал свое поражение от В. Смылова. Лишь утром 2 сентября при счете 2:0 остальные партии были отложены. Вечером того же дня доигрывание определило отличный итог первого круга — 8:2 в пользу нашей команды.

Еще более «марафонским» оказался второй круг, в котором команда США предприняла оказавшуюся неудачной попытку взять реванш. 3 сентября в 17 часов началась игра, затем ночью ряд партий был отложен, доигрывание их продолжалось с 17 часов 4 сентября до глубокой ночи (3 часов) 5 сентября. Результат второго круга — 7½:2½ опять в пользу нашей сборной.

С более чем убедительным счетом 15½:4½ победила команда СССР! Значение этого успеха советских шахматистов трудно переоценить. Именно историческим радиоматчем 1945 года СССР—США наша отечественная шахматная школа доказала свое лидирующее

положение на международной арене. Не случайным было высказывание гроссмейстера Р. Файна, считавшегося тогда одним из претендентов на мировое первенство: «Мы в США всегда с большим интересом следили за развитием шахматного искусства в СССР. Советские мастера играют в шахматы отважно и оригинально, обогащая шахматную теорию новыми убедительными идеями... Русские играют в шахматы значительно лучше нас. Они совершенно освободились от доктринерства и особенно хорошо разыгрывают дебюты».

Приводим памятные фрагменты из обеих партий радиоматча между чемпионами СССР и США.

К такому положению пришел первый поединок после 14-го хода белых. Энергичным продавливанием пешек ферзевого фланга игравший черными М. Ботвинник ов-

ладевает инициативой и ставит перед соперником нелегкие проблемы.

14. ...b5—b4! 15. Кс3—e4 c6—c5 16. Фd1—b1. Денкер заметил, что в случае 16. Фс2 c3! 17. bc Фс7! 18. Кg3 cd 19. c4 Кс5 его позиция бы трещала по всем швам.

16. ...Фb6—c7 17. Ке4—g3 c5:d4 18. Се2:c4 Фс7—с6 19. f2—f3 d4—d3! 20. Фb1—c1. Белые стараются парировать нависшие угрозы, особенно ту, которая связана с эффектной жертвой черной ладьи. Однако это им не удается.

20. ...Сf8—c5± 21. Кpg1—h1 Фс6—d6! 22. Фс1—f4. Не отражал запрограммированную черными победу жертву на «h2» также вариант 22. Cf4 Л:h2+! 23. Кр:h2 Лh8+ 24. Кh5 Л:h5+ 25. Кpg3 e5! 26. Сg5 e4+ 27. Кpg4 d2! и т. д. 22. ...Лh8:h2+! 23. Кph1:h2 Лd8—h8+ 24. Фf4—h4 Лh8:h4 25. Сg5:h4 Фd6—f4!, и белые капитулировали.

А здесь вы видите позицию после 13-го хода черных из второй партии чемпионов. Ботвинник (у него были белые) вместо естественного на первый взгляд взятия центральной пешки находит неожиданный выпад слона, и снова противник оказывается перед лицом неразрешимых задач.

14. Сd3—b5!! Сс8—d7 15. Кf3—d2 a7—a6 16. Сb5:c6 Cd7:c6 17. Кd2—c4 Фа5—f5 18. Cf4—d6! e4—e3. Отдавая ферзя за ладью и слона, черные хотят осложнить борьбу.

19. Ке4:e3 Фf5:b1+ 20. Фb3:b1 Ca3:d6 21. Фb1:b6 Кре8—d7 22. Фb6—b3! Бдительности М. Ботвиннику не занимать: для него слишком прозрачной была ловушка 22. 0—0? Лhb8! 23. Фа5 Лb5 24. Фа4 Лb5 и т. д.

22. ...Ла8—b8 23. Фb3—c2 Лb8—b5 24. 0—0 Лb5—b5 25. h2—h3 Лh8—b8 26. c3—c4 g7—g6 27. Ке3—g4! Чтобы поскорее реализовать материальное превосходство, нужно разменять одного из грозной пары неприятельских слонов, тогда легче будет подобраться к королю партнера.

27. ...Лh5—f5 28. Кg4—e5+ Cd6:e5 29. d4:e5 Лf5:e5! Взятие пешки сразу терпит крушение, но и в случае правильного маневра 29. ...Кре8 выигрыш для белых был бы делом техники. Теперь же после шаха ферзем дает себя знать разобщение черных ладьей.

30. Фс2—d2+!, и черные сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/VIII 1975 г. А 00898. Подписано к печати 25/VIII 1975 г. Формат 70×108/16. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 200 000 экз. Изд. № 2056. Заказ № 976. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

НА СЕБЯ

В ГЛУХИХ МЕСТАХ, ВО ТРАХИ.

ЗНАМЕНИТЫЕ ГОРОДА

Слова Михаила ТАНИЧА.
Музыка Алексея ЧЕРНОГО.

Где мы только не бывали:
И в столицах именитых,
И в районной глухомани —
От снегов до пирамид.

Оказалось, нет на свете
Городов незначительных,
Оказалось, каждый город
Чем-нибудь да знаменит.

Припев:

Города, города,
Расстояния,
Пятьсот туда, семьсот сюда...
До свиданья-до свиданья,
Знаменитые города!

Где-то синие арыки,
Где-то белые березки,

Где-то новые кварталы
В двух шагах от старины.

А вот этот скромный город,
Он стоит на перекрестке,
По которому шагала
Биография страны.

Припев.

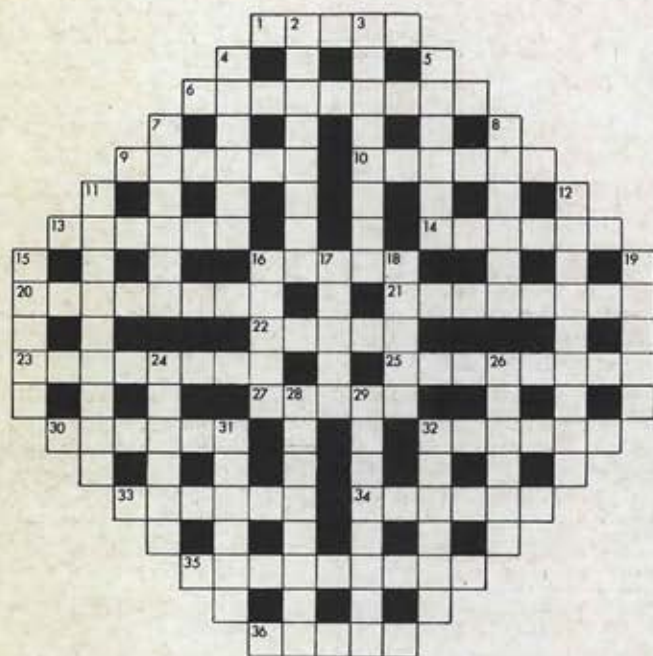
Каждый город для кого-то —
Самый главный город в мире.
Мы прощаемся с друзьями
И гостей к себе зовем.

А у нас дома повыше,
И река у нас пошире,
Потому что лучший город
Тот, в котором мы живем.

Припев.

КРОССВОРД

Составил А. ФЕДЮКОВИЧ,
г. Ленинград

По горизонтали:

1. Повесть А. П. Чехова.
6. Столица автономной советской республики.
9. Приток Амура.
10. Условный знак.
13. Передвижной цирк.
14. Рельефное изображение буквы для печати.
16. Балет А. И. Хачатуряна.
20. Костюм космонавта.
21. Советский писатель.
22. Лососевая рыба.
23. Минерал, полевой шпат.
25. Наука о растениях.
27. Главная артерия.
30. Оптическая система.
32. Певец, народный артист СССР.
33. Немецкий шахматист, экс-чемпион мира.
34. Советский космонавт.
35. Смычковый музыкальный инструмент.
36. Низкий барьер вдоль авансены.

По вертикали:

2. Опера Д. Верди.
3. Государство в Южной Азии.
4. Итальянский тенор.
5. Часть речи.
7. Правда.
8. Специалист, достигший большого умения.
11. Звездная система.
12. Советский композитор, народный артист СССР.
15. Приток Северного Дона.
16. Пьеса А. Н. Островского.
17. Хищники семейства кошачьих.
18. Итальянский остров в Средиземном море.
19. Длинная впадина с крутыми склонами.
24. Луговое травянистое растение.
26. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня».
28. Музыкальное комедийное произведение.
29. Бунтопечатющий телеграфный аппарат.
31. Руководитель вуза.
32. Изделия из металлов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЕ В № 17

По горизонтали:

6. Палеоботаника.
9. Пиналево.
10. Лабрадор.
12. Городки.
16. Ресторан.
17. Кострома.
21. Сарафанов.
23. Чинара.
24. Кукута.
25. Минога.
26. Ковров.
27. Осанка.
28. Айлант.
29. Рекорд.
31. Ланцет.
32. «Казак».
34. Оттава.
36. Посланник.
39. Регистан.
40. Трамплин.
41. Ударник.
45. Парусник.
46. Демокрит.
47. Сопротивление.

По вертикали:

1. Ваклажан.
2. «Хорошо».
3. Долото.
4. Башлык.
5. Скорпион.
7. Кинетика.
8. Коперник.
11. Беллингаузен.
13. Регата.
14. Дамаск.
15. Смоктуновский.
18. Жаворонок.
19. Ботвинник.
20. Самарий.
22. Экватор.
30. Дельта.
31. Лондон.
33. Антивар.
35. Трапеция.
37. Патиссон.
38. Оратория.
42. Доктор.
43. Рудник.
44. Ивдель.

го философского смысла и вместе с тем необыкновенно эмоциональны, лиричны и музыкальны.

Вот «Истина». В зеленовато-золотых наплывах красок возникает лицо мыслителя... Почему же так трудно приходит Истина? И так жестоко? Что есть Истина? И что Справедливость? Вот «Дружба». В щедрых руках человека — солнце. Или это горящее любовью сердце?

Тугим ветром наполнены облака, они летят по небу, под солнечным ветром раскачиваются тонкие ветки кустарников, радостно и звонко бьют колокола, встречая весну, — это «Колокольня» из цикла «Весна».

А как разгадать «Сназку»? Кто этот ребенок? Он так доверчиво и беспомощно сидит, открытый простору, тнется рукой за одуванчиком и не видит, что над ним распростерлась огромная тень орла. А может быть, это его Судьба?

Еще одна картина. Из триптиха «Стрелец» — на вершине горы, как ее могучее продолжение, — фигура человека. Человек метит стрелу в орла.

Картины Чюрлениса не понимали, не покупали, художник был вынужден пробаиваться случайными уроками музыки, чтобы заплатить за убогую квартиру. Всю жизнь боролся с нуждой, с людским равнодушием. Неумолимое время разметало его картины по разным городам; судьба многих из них неясна до сего дня.

После Октябрьской революции многие картины Чюрлениса оказались в Москве. Сестра художника Валерия Чюрлените обратилась к В. И. Ленину с просьбой помочь вернуть картины в Литву. Картины были возвращены, и теперь они находятся в Каунасе, в специальном для них построенном музее...

Мне вспоминается встреча со Святославом Николаевичем Рерихом в Москве во время выставки его картин. Говорили о Чюрленисе. «Я всегда не только любил, но и близко чувствовал Чюрлениса, его искания, выражение мысли, его духовный подход к космическим процессам. Он был новатором, который хотел претворить в искусстве мысль, ощущение и музыку. Когда смотришь на его картины, они воскрешают то настроение, ту музыку, которая звучит в нас самих...»

Мой отец, Николай Константинович, — продолжал С. Н. Рерих, — очень ценил глубокую мысль Чюрлениса, его постоянный поиск, новый подход к выражению внутренней мысли...

Сегодня имя Чюрлениса известно всему миру — от дальнего Севера до южных вершин Памира, от Америки до Японии и Австралии, везде, где хотел побывать художник. «Я хочу взойти на высочайшие вершины», — писал он когда-то. Да, сегодня можно сказать, что Чюрленис приблизился к нам. Но это произошло потому, что его искусство помогло нам подняться на одну ступень выше к пониманию великих задач всего человечества. Вот так сбывается пророчество Чюрлениса...

ДЕРЕВО И ТУЧИ.

СОНАТА ЗВЕЗД. АЛЛЕГРО.

ЖЕРТВЕННИК.

ДЕНЬ.

